

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

7

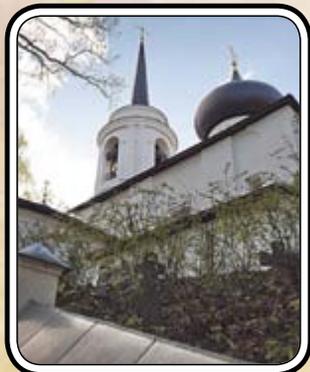
детская

■ 2016 (206)

6+

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!
Виктор Талалихин

УГОЛОК РОССИИ:
Пушкиногорские святыни

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Геннадий Цыферов
Ключ к волшебству

В. Поленов. Берёзовая роща. 1872 г.

Сергей Есенин

С добрым утром

Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзки,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

1914

В. Поленов
Лопухи
1870 г.

В номере:

3

Геннадий Цыферов

Ключ к волшебству

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

Выдающийся детский иллюстратор и основатель новой книги для детей: Владимир Лебедев

21

ИМЕНА

Людмила Цыферова

Геннадий Цыферов: жизнь и сказка переплетены

23

УГОЛОК РОССИИ

Сергей Иванов

Пушкиногорские святые

26

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Виктор Талаихин

Как я таранил фашистский самолёт

28

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

Святой Ефрем новый

31

РАССКАЗЫ

Владимир Волков

Рассказы-горошины

32

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Вокзал

33

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Павел Гусев

Братик

34

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

Зачем подковывают лошадей

35

ЖИВОЙ УГОЛОК

Наталья Гаврикова

Петушок-задира

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:
в каталоге агентства «Роспечать»
72766 на полугодие, **71899** на год;
в объединённом каталоге

«Пресса России»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая

типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 2469

© «Роман-газета», 2016 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Ключ к волшебству

Геннадий Цыферов

Художник О. Ионайтис

Когда я был маленьким, я очень любил слушать сказки. Теперь я вырос и уже сам сочиняю разные истории и сказки. А однажды я задумался над тем, а как же придумывали сказки великие сказочники? И вот я направился в библиотеку и стал читать книги о жизни писателей. В этих книгах было всё: и о том, где родился писатель, и том, кем были его родители, и о том, в каких странах он побывал, и том какие науки он изучал. В общем, в этих книгах были любые сведения, а вот о том, как писатель создавал свои произведения, не было ни слова. И тогда я решил представить, как же это могло происходить.

Итак, слушайте.

Мой Андерсен

Рассказать биографию Андерсена, наверное, не столь трудно: он был сыном прачки и сапожника. Учился на казённый счёт в гимназии, работал ткачом, служил в театре, стал знаменитостью, а когда его хоронили, то за гробом шёл сам король и целая толпа блестящих принцесс и принцев.

Но о том уже много писалось. Я хочу поведать о другом. Андерсен писал сказки, а какова их история?!

Оловянный солдатик

Когда я впервые в детстве прочёл эту сказку, я плакал. Стойкий оловянный солдатик погиб в огне. «Ах, — ду-

мал я, — неужели нельзя было сделать так, чтобы оловянный солдатик спокойно дожил до старости, чтобы у него выросла борода колечками? Поутру, когда бы он выходил на улицу, бороду трогал бы ветер, и она бы звенела. И танцевали бы вокруг бабочки, а сам солдатик слушал бы музыку и утешался».

Но он так и умер безутешным.

Но, может, Андерсен не любил своего солдатика?

Нет, дело совсем в другом.

Пыля и сверкая, шли тогда по улицам звёздные полки императорских гренадёров, и каждый кричал им «ура».

Взрослые ведь тоже любят играть. А гирлянды пуговиц, а малиновые воротники, а маленькие, точно солнышко,

эполеты! Ну что может быть веселее такой забавы?!

И лишь один человек в городе молчал — старый сапожник Андерсен. Он не любил шутовства. Дробь военных барабанов он всегда заглушал стуком своего молотка. И чем громче бил барабан, тем сильнее стучал сапожник.

Но сколько он ни трудился, семья никак не могла свести концы с концами — вечно не хватало денег. И тогда, махнув рукой, он пошёл в солдаты. Сапожник сделал это вместо какого-то богача, и тот щедро заплатил ему.

Грустно, но что поделаешь? Даже если бы отец Андерсена починил все сапоги города, он не получил бы столько.

Так и стал сапожник гренадёром. Только тому гренадёру совсем не кричали «ура».

Высокая меховая шапка — гордость блистательного гвардейца — вечно лезла ему на глаза, а в дождь он просто подходил на пугало. И в полку частенько

хохотали над ним: «Ну и солдат!» Но грянул бой, и смех кончился.

В сражении тот маленький солдатик держался стойко и прямо, точно древко полкового знамени. И наверное, за такую храбрость он бы получил награду. Но император проиграл войну, а императорский солдатик проиграл свою жизнь.

Из последнего похода Андерсен вернулся совсем больным, а вскоре умер, так и не успев починить последний солдатский сапог. В тех рваных сапогах его и похоронили. Похоронили на высоком юру, и, говорят, вместо знамени жена накрыла его чёрным платком...

Так вот почему Андерсен написал эту сказку. Она — вечная память об отце, последний венок на его могилу.

Но сегодня тому солдатiku завидуют даже маршалы. Так прекрасна и добра повесть о нём.

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

Кто-то сказал: наше сердце подобно Кочарованному сундучку — и зло и добро там лежат рядом. Может быть...

Но вот что я вам расскажу. Это было в Копенгагене. В тот день одна девочка продавала спички:

— Купите, господин! Купите, пожалуйста!

Но ни тихое «пожалуйста», ни дрожащая ручонка — ничто не могло помочь ей. Люди не желали останавливаться.

— Похрустывал снег под ногами, заиндевевшие деревья становились похожими на старинные парики, а робкая девочка, точно тоненькая свеча, по-прежнему стояла на углу. И вдруг, озябнув, её голосок сломался, будто хрупкий новогодний шар. И тогда, словно услышав тот звук, кто-то осторожно положил руку на её плечо: «Возьми, пожалуйста», — произнёс он голосом принца. И сама мечта, драгоценная монетка, упала в её ладонь.

Наверное, тут бы и надо кончить рождественскую сказку, но, к сожалению, девочка подняла глаза — на шее принца вместо блестящего, сверкающего кашне... было старенькое полотенце. И опечаленная девочка вернула ему монету.

— Вы добры, но я не могу взять последнее, — прошептала она. Вот и всё. Остаётся добавить, что тем принцем

был молодой Андерсен. А годы спустя он написал сказку.

В той сказке девочка умерла, но сказочник не мог поступить иначе. По-прежнему бедные дети, точно тоненькие свечи, стояли на улицах. И добрый Андерсен знал: если они погаснут, в Копенгагене станет темно и грустно.

Вот почему он и написал сказку с печальным концом. Ведь только печальное делает чёрствых людей добрее.

ДЮЙМОВОЧКА

Христиана Андерсена есть прекрасная сказка о Дюймовочке. Сказку знают многие, но мало кто догадывается, почему Андерсен написал её.

Так вот послушайте...

В Дании все маленькие люди — дети, и сам Андерсен когда-то был ребёнком. Он носил бархатную курточку, бархатную шляпу, бархатные брючки на лямках. А ещё он любил петь и каждую весну мерил свой рост. Встав на цыпочки, мальчик прислонялся к дверному косяку, и мать делала новую зарубку. Зарубки росли, а родители радовались: «Как вытянулся ребёнок за зиму. Подумать только!»

Но однажды, взглянув на зарубку, мать вдруг ахнула: «Боже! Да если так пойдёт дальше, нам придётся прорубить в потолке дырку. Наш дом слишком мал для такого великана!»

Христиан после слов матери стал печальным. Теперь он только и думал о том, как стать меньше.

А когда стаял снег и проснулись ручьи, сапожник Андерсен отложил молоток и позвал сына: «А не пойти ли нам в поле?»

Цветы, цветы, цветы... Их лёгкий запах дурманил голову, и она кружилась, точно ярмарочная карусель, та карусель, которая сначала медленно и плавно, как в старинном танце, а потом всё быстрее и быстрее кружится под звуки невидимой шарманки и звонких серебряных колокольчиков.

А потом, потом Ганс вдруг заметил: из большого алого бутона медленно выползает плюшевый шмель. Шмель гудит, и цветок чуть покачивается, точно сказочная погрешка.

— Папа, папа! — удивился Христиан. — Они живут там?

— Да, — равнодушно кивнул отец. — Разве ты не знал?

— Нет, сын совсем не знал об этом.

А как хорошо стать маленьким и жить в цветочном бутоне! И все бедные дети, кому негде жить, тоже станут маленькими и будут жить вместе, точно золотые шмели, точно маленькие эльфы — принцы цветов. Весь день сражаются эльфы на солнечных лучиках — своих игрушечных шпагах. Но эти солнечные шпаги никого не ранят. Едва касаясь сердца, они щекочут эльфов и заставляют их смеяться. Эльфы хохочут, хохочут нежно и звонко, точно карнавальные бубенцы...

Ах, если бы это могло случиться на самом деле!

Но на самом деле Андерсен вырос большим. Вот почему он и написал «Дюймовочку». Ведь Дюймовочка — это просто мечта очень бедного детства.

* * *

Я рассказал вам три печальные истории. И вы, наверное, подумали: грустный человек этот Андерсен!

Так знайте: вот что писали о нём сто лет назад: «У нас в Дании никто не умеет улыбаться подобно Андерсену».

И в сказках его тоже всегда чувствуешь эту светлую улыбку. Ну, вспомните хотя бы «Огниво» — сказку о солдате и трёх собаках.

ОГНИВО

Давным-давно в городе Копенгагене король Христиан IV построил круглую башню. И с той поры эта башня стояла на главной городской площади.

Торжественно и сурово смотрела она на маленькие копенгагенские домишки, и те смущённо жались по углам площади, боясь подступить. И в самом деле, разве мог хоть один из них сравниться с величественной башней?! Почти все черепичные крыши копенгагенских зданий были похожи на бабушкины чепцы. И только круглую башню венчало нечто подобное рыцарскому шлему. А ведь давно известно, что всё высокое, рыцарское внушает уважение.

Поэтому не только дома, но и все жители Копенгагена гордились своей ка-

менной громадой. И лишь одно обстоятельство смущало их...

У каждой достойной башни есть свои мрачные легенды. Но что могли рассказать о своей копенгагенцы?

В 1716 году, например, на башню въехал верхом русский царь Пётр I.

Это смешно? Это красиво. Но где же мрачные события? Текло время, текла вода в каналах, а долгожданные события не свершались. И тогда копенгагенцы поклонились сказочнику.

«Уважаемый господин Андерсен, — сказали жители Копенгагена, — очень просим вас сочинить что-нибудь мрачное о нашей круглой башне».

Андерсен, конечно, очень хотел помочь родному городу. Он очень любил свой город, склонённый над водой каналов, свой маленький Копенгаген. Андерсен смотрел на него, и ему казалось, что город тихо дремлет, чего-то ждёт, о чём-то мечтает... Может быть, о том времени, когда он станет большим, знаменитым и принесёт славу своей стране, своему народу?..

Но сколь ни пытался Андерсен сочинить страшную легенду, мрачные мысли так и не шли в голову.

А честолюбивые сограждане торопили: «Когда же? Когда же?!»

И, наконец, Андерсен решился.

Долго-долго писал он сказку. Однако когда закончил, то весьма удивился. Ни о башне, ни о самом Копенгагене там не было ни слова.

«Что же делать? — подумал Андерсен. Подумал и вдруг расхохотался: А что, если сравнить глаза собаки с башней? Правда, нелепо, но зато так неожиданно, и невольно запомнит каждый».

И великий сказочник так и поступил.

Тогда копенгагенцы очень обиделись.

Но теперь... Теперь все знают о той круглой башне, похожей на собачий глаз.

И если кто-то приезжает в Копенгаген, он первым делом идёт на площадь, чтобы посмотреть на это чудо.

Так вот что наделал Андерсен своей сказкой. Он не только прославил башню, но и на целое столетие удивил людей!

Как я тебе уже рассказывал: отец писателя был сапожником. Тут-тук, весь день он чинил и подбивал сапоги.

В детстве и сам Андерсен тоже учился сапожному мастерству. Потому, много позднее, когда он уже стал известным писателем и рассказывал детям о своей юности, то кто-нибудь обязательно спрашивал: так, значит, вы умеете шить сапоги? И улыбающийся Андерсен отвечал: «Конечно. Например, недавно один великан из сказки заказал праздничный сапог».

Дети, конечно, просили показать, но Андерсен отвечал: он очень большой и шить его страшно долго. Вот подождите немного.

Безусловно, никакого сапога не было. Но он однажды решил обрадовать детей. Он купил много кожи. Так много, что по всему Копенгагену стали говорить: Андерсен перестал писать сказки и открывает сапожную мастерскую. Однако Андерсен по-прежнему рассказывал всякие истории. И только, когда он закрывался один в комнате, он шил сапог.

И вот в ночь под Новый год собрались дети. Трещали и плавилась свечи на ёлке, блестели шары, и в углу, под тихую шарманку танцевали куклы. И оловянный солдатик, и Дюймовочка, и трубочист.

Андерсен поднял палочку, и всё смолкло.

— В прошлый раз, — сказал он тихо, — я обещал вам показать сапог Великана. Вот он. — И сказочник достал огромный, огромный сапог.

А потом Андерсен сказал:

— В ночь под Новый год добрый Великан будет бродить по нашему городу и дарить детям подарки. — Первый подарок мне. — Андерсен опустил руку и достал из сапога золотой шар.

А на другой день каждый мальчик и девочка нашли у своей постели золотые шары, пряники, хлопучки, а одному мальчику даже подарили волшебную пушку, она стреляла пирожными.

Ну, вот и всё. Если же ты не веришь в правдивость этой истории, поезжай в Копенгаген. Там действительно в доме Андерсена есть великанский сапог, его шил сам сказочник. Но относительно доброго великана — это тоже правда.

В ночь под Новый год каждый ребёнок слышит: Бом-бом. По городу бредёт добрый Великан, и на его сапоге звенит шпора. Взрослые говорят, что то просто часы. Но кто же поверит этому?! Разве могут часы делать такие прекрасные подарки?

ДОЛЛАР АНДЕРСЕНА

Обычно говорят: Андерсен умер бедняком. Но это немножко не так. И даже совсем неверно. После его смерти остался доллар.

Вы скажете, очень мало. Но сегодня многие богачи Копенгагена говорят: все наши миллионы мы отдали бы за доллар Андерсена.

Чудаки?! О нет!

Лучше послушайте. Грустному Андерсену всегда жилось нелегко. А одной зимой так плохо, что он даже не мог выйти из дома — не было пальто.

И сказочник сердился:

«Каков мир? — думал он. — Я дарю ему сказки, дарю радость, а он, он не хочет подарить мне даже старенькое пальто... А может быть, это плата за шутку. Недавно я написал о голом короле. И вот теперь я тоже почти голый сказочник. Голый сказочник...» — Андерсен вновь повторил это слово и вдруг рассмеялся.

...Великое торжество. Столь великое, что на площади собрались все зеваки Копенгагена. Раскрыв от любопытства рты, точно жерла маленьких пушек, они встают на цыпочки и спрашивают: «А что, что там?»

А там, под громкую медь оркестра, возлагают на чело Андерсена тяжёлый венок. Худенькие поэты, вытянув гусиные шеи, бормочут хвалебные стихи. А толстые министры говорят пышные речи: «Наш Андерсен — это слава Дании!..»

И вдруг в середине речи тихий голосок. Это из толпы выглянул какой-то мальчик и смущённо произнёс: «Да он почти раздет, наш великий Андерсен, а на дворе зима».

И Андерсен вновь захохотал. Так смеялся он до самого вечера. И на улице уже стали останавливаться прохожие и тоже неизвестно чему улыбаться. А к ночи, наверное, смеялся весь Копенгаген.

Но вечером в доме сказочника внезапно раздался звонок, и торжественный почтальон протянул письмо. Писатель быстро вскрыл конверт и... покраснел. На его ладони лежал доллар.

Да это же милостыня! Обессиленно он опустил на стул и... вдруг заметил. Из конверта выпал маленький клочок бумаги, исписанный детским почерком.

Так, значит, доллар совсем не милостыня короля, графа, лорда? Нет, нет! Просто один мальчик из Америки прислал ему свои сбережения.

И последняя тучка ушла с лица Андерсена. Он улыбнулся. Ну что же, пусть нет пальто, но зато — любовь и чудо!

Вот почему все копенгагенские богачи сегодня завидуют Андерсену. Долларов у них миллионы, но такого доброго нет.

* * *

Конечно, трудно сначала понять, как был Андерсен на самом деле. И какие писал он сказки...

Знаешь ты, например, как льют колокольчики? В каждый колокольчик обязательно добавляют каплю серебра. Вот он и звенит...

Если в смешную сказку добавить каплю чистой грусти, она тоже зазвенит.

Всякий раз после сказки Андерсена вы словно слышите звон, долгий и робкий. Потом можно даже забыть, о чём она, но робкий звон навсегда останется в сердце.

И если затем когда-нибудь добрые воспоминания тронут ваше сердце, оно вновь зазвенит, и вы опять вспомните вашего Андерсена.

Вот почему его сказки нельзя разделить на грустные и весёлые — они все просто прекрасны. Так прекрасны цветы, прекрасны деревья, прекрасна наша далёкая детская жизнь.

ЛЁГКАЯ ЗЕМЛЯ

Теперь мне осталось сказать самое трудное. Сказать о смерти Андерсена. Но, наверное, лучше вспомнить сказку.

Была когда-то древняя страна. И ходил по той стране слепой певец. Всюду он пел свои песни и шёл дальше, дальше... Взрослые, встречая его, кланялись, а дети спрашивали: «Ты кто?»

И не желая их пугать, он отвечал: «Я человек с закрытыми глазами».

Но дети вновь спрашивали: «А почему ты стучишь палкой?» И улыбаясь, отвечал им слепой: «Я ищу лёгкую землю, где можно посадить мои цветы».

А когда слепой певец умер, плакала вся страна. И лишь дети говорили: «Ну что вы, просто он нашёл лёгкую землю, где можно посадить цветы».

И целые столетия потом на той земле цвели розы. А спустя тысячу лет в ту страну приехал Андерсен и нашёл прекрасную розу. О той розе и написал он сказку...

Теперь на земле Андерсена, на маленьком холмике, тоже цветут розы. А дети Копенгагена говорят: «Нет, нет, он не умер, он просто нашёл лёгкую землю».

Да, великие поэты и сказочники никогда не умирают! Они просто находят лёгкую землю, чтобы посадить там цветы.

Папа кукольного театра — Карло Гоцци

Знаешь ли ты того деревянного мальчика с длиннющим носом?

Ну, конечно, это Буратино. А помнишь ли ты его друзей — куклу Мальвину, Пьеро, а ещё старого мечтательного папу Карло. Среди тех трогательных кукол он единственный живой персонаж. И потому с самого детства я часто думаю: «А может, и правда, где-то в Италии жил сказочный чудак, любивший кукольный театр и сказки».

А недавно я был в Италии и, к своему удивлению, узнал, что лет двести назад здесь и впрямь жил такой папа Карло. И сейчас я вам о нём расскажу.

Ну, во-первых, должен сказать, папе Карло или, как его звали тогда, Карло Гоцци, вначале очень повезло. Как-никак, а родился он в Венеции.

Ты, конечно, хочешь спросить: «А какая она — Венеция тех времен?»

Но послушай вначале сказку.

Сказка

Когда-то давным-давно в Венеции жили он и она. Они жили в одном городе и даже в одном переулке. Да только... только между их домами был волшебный канал. Никто и никогда не мог его переплыть. Лишь лучи заходящего солнца, легко скользя по нему, оставляли свой волнистый и трепетный след.

А что же два любящих сердца? Ах, Ах!

Они лишь улыбались друг другу и, отражаясь в золотой воде канала, тихонько вздыхали.

И вот так они вздыхали всю жизнь, пока, наконец, не стали старыми.

— Все кончено, — сказал он.

— А что же дальше? — спросила она.

— ...Наши волосы уже совсем седы.

— Да, да, — кивнула она и добавила, — и в глазах уже туман осени.

И дабы не печалиться более, они вздохнули последний раз.

И вдруг явился лёгкий мост.

— Откуда он? — вопрошая друг друга, вздохнули старички разом.

И кружевной мост ответил:

— Я рождён из ваших лёгких вздохов.

И изящно поклонившись, лёгкий и прозрачный, как сказочный сон, что забыл поутру улететь... мост навеки застыл над каналом.

ВЕНЕЦИЯ

Я знаю, ты теперь спросишь, а причём здесь Венеция и сказка? Да очень просто. В той далёкой Венеции на самом деле существовал Мост Вздохов. И ещё многое здесь было столь удивительно, что было похоже на сон, на сказку и на вздох.

Величавые соборы. Прекрасные дворцы. Площади. Палаццо. И каналы, если говорить серьёзно, тоже были подобны какому-то волшебству. Одетые в витой чугунный парапет, они казались огром-

ными зеркалами. И каждое утро, глядя в них, дворцы и соборы поправляли купола своих крыш и прихорашивались. А между тем золотым, кружевным отражением по каналам скользили изящные лодки, ибо улиц в Венеции почти нет. И люди не ходят, а плывут друг к другу. Ну, впрочем, я, кажется, уже заговорился и пора обратиться к серьезной истории.

И ВСЁ-ТАКИ ЧТО ТАКОЕ СТАРИННАЯ ВЕНЕЦИЯ?

Венеция — это знаменитая городская Республика Средневековья. Когда-то она была первым портом Европы. Именно отсюда, из золотой Венеции, велась торговля с Востоком. Пузатые ко-

рабли, отдуваясь, точно трудолюбивые муравьи, тащили по морю шелка, ковры, серебро и пряности.

Венеция богатели и, как бы закрыв глаза от счастья, веселилась, строилась и одевалась в гранит, золото и мрамор. А ещё в Венеции процветали ремёсла и искусства, но...

Но вернёмся к герою нашего рассказа. Итак, как мы выяснили, он родился в этой волшебной Венеции. И посему можно считать, что ему повезло. Да, мой друг. И всё-таки то везение было неполным. И знаешь почему? История Венеции, как и дворцовые украшения, имеет свои личные завитки.

Вот что, например, рассказывает нам та же летопись. Венеция процветала и богатели и как бы, закрыв глаза от счастья, кружилась в водовороте времени. Но миновали годы, и однажды, открыв глаза, городская республика заметила странную перемену: кругом выросли новые города, и новые порты гудели и шумели рядом. А сама Венеция оказалась не у дел и потеряла былое значение.

Постепенно жизнь на улицах некогда неугомонного города стала стихать. И, казалось, что сам город погрузился в сон. Но не прежний, счастливый и лёгкий, нет. Когда-то Венеция засыпала, будто танцуя под звуки «рондо». Теперь же музыка умолкла, замерли танцы, и всё будто застыло. А некогда радостная, шумная Венеция потихоньку превращалась в музей. И всё стало наполняться какой-то грустью.

ГОЦЦИ И ВЕНЕЦИЯ

Вот тогда и родился Карло Гоцци. И поэтому его день рождения принято считать грустным и радостным, будто костюм клоуна.

Надо признаться, было в этой засыпающей, музейной Венеции удивительное очарование. И без всяких сомнений, красота величественных соборов и причудливых палаццо почти не ощущалась, когда на площадях Венеции шумела разноязыкая толпа. Теперь же, одинокие и окутанные дымкой воспоминаний, они были удивительно прекрасны. И порой их даже хотелось гладить и целовать, так человеческое сердце чувствовало красоту.

И, разумеется, чудак и поэт Карло Гоцци сразу был поражён этим чудом. Оно вошло в его сердце, как входит плеск волн, пение птиц. И это чудо очаровало его. И с той поры о нём говорили: очарованный чудак. И подобно этим дворцам, Гоцци жил уже, не замечая время, не замечая ничего кругом, кроме прошлого.

КУКЛЫ

И вот, наконец, мы подошли к главному.

Ну, кто станет дружить с безмолвным поклонником красоты и таким чудачком? Как ни говори, но он ничего не мастерил, ничем не торговал, а весь день только и бормотал какие-то стихи. И всё-таки куклы любили Гоцци.

Гасли театральные огни. Весёлая итальянская публика покидала театр. А Коломбина, капризно подняв ручку вверх, приказывала Пьеро: «Сеньор, я хочу в гости!» И мгновенья спустя у дверей театра появлялась маленькая игрушечная гондола.

Осторожно, боясь замочить сюртуки и платья, куклы спускались вниз. Гондола отчаливала, и начиналась прогулка.

А вот и дом Гоцци! Куклы высаживались, и сам хозяин опускал для них верёвочную лестницу. И... и...

Большая комната дворца, пыльные портреты предков и старинные кресла.

Старая кукла — мавр, ворча, начинал разводить огонь в жаровне и ставить кофе, а тоненький Арлекин настраивал лютню. И под нежную, мелодичную музыку Куклы наслаждались кофе, а папа Карло рассказывал в это время сказку. Быть может, ту самую о «Мосте Вздохов», что слышал когда-то от бабушки.

И вот сказка была рассказана, кофе выпит, а на улицу чёрной кошкой на мягких лапах приходила ночь. Куклы собирались и начинали спешить домой. И каждый раз в суетливой спешке прощания они тихо шептали друг другу: «Ах, как же он похож на большую куклу. Но, однако, совсем живой!»

Конечно, Гоцци был живой, только очарованный красотой Венеции. Так он бы и жил, но с ним случилось то же, что и с самой Венецией. Однажды его тро-

нули за плечо, и он проснулся. А было это так.

ВСТРЕЧА

В Венецию опять вернулся любимец венецианской толпы великий Карло Гольдони. О! Как шумела толпа, как махала руками, сбивая друг у друга шляпы. Горожане нечаянно хватали друг друга за носы, визжали и вдруг вновь оголтело хлопали. Что же это?

Ну, конечно, сегодня Карло Гольдони — король театра. И вся Италия говорит о нём величественно и просто: «О, Гольдони! Это же Гольдони! Ура, Гольдони!». Что в переводе на наш язык, означало: Гольдони безупречный, прекрасный человек.

Впрочем, и в самом деле, Карло Гольдони был очень мил. И если начинал рассказывать истории, то мог не останавливаться весь месяц. Но, но... была в нём одна неприятная черта. Гольдони совсем не терпел кукольных театров. И встретив где-нибудь театральную куклу, обязательно щелкал её по носу и приговаривал: «Пора, давно пора в музей». И все куклы очень боялись его.

А теперь, только въехав в Венецию, он сразу заявил:

— Я добьюсь, что последняя кукла покинет Венецию!

— Поймите, — махал руками, обращаясь к публике, драматург, — я очень люблю людей. А эти куклы не дают людям играть на сцене. И во имя людей я изгоню кукол из Венеции.

На этом Гольдони стукнул тростью, а вскоре...

РАЗГОВОР

Вскоре эта новость стала известна в кукольном театре. И куклы так расплакались, что зрители приходили в театр с зонтиками. И, наверное, если бы не эти зонтики, ничего так и не случилось бы. Но, узнав о происшествии в театре, Гоцци пошел искать драматурга.

— Смотрите, — сказал Карло. — До чего вы довели кукол. Они плачут.

— Зачем же плакать? — спокойно произнёс Гольдони. — Просто надо при-

нять, что их время ушло. — И продолжил безмятежно пить свой кофе.

От возмущения Карло Гоцци, будто желая сразиться, стал в волнении размахивать тростью.

— Успокойтесь, мой друг, — невозмутимо продолжал беседу Гольдони. — Совсем скоро вы поймёте, как были не правы.

Безусловно, драматург говорил чистую правду. Но Гоцци давным-давно был очарован красотой, а разве человек, очарованный красотой и верящий в добро, может поверить, что ушло их время?

— В таком случае, — вежливо поклонившись, ответил чудак, — я сам напишу сказку для театра кукол. И тогда увидим, ушло ли их время.

НАЧАЛО РАБОТЫ

Стоит ли говорить, как обрадовались куклы. Но не только куклы, но и старинные дворцы тоже хотели услышать сказку.

И вот, наконец, собор Святого Марка, став на цыпочки, произнёс: «Он пишет!»

Однако если бы всё шло столь просто. И если всё было так, как говорит сам папа Карло в своей биографии, то зачем бы я писал эту повесть?

Совсем другая легенда до сей поры живёт в кукольном театре.

ЛЕГЕНДА

Гоцци поднял гусиное перо, и тут хлопнула форточка. Что это, подумал сказочник, летучая мышь или порыв ветра?

Он подошёл ближе, ещё ближе... и вот на ласковом, вишнёвом небе точно вырезанный возник чёрный корабль. Он пролетел над площадью Святого Марка, обогнул Мост Вздохов, и, наконец, остановился напротив окна. С корабля сбросили трап, и перед Гоцци возникли пять кукол-пиратов.

— Кто вы? — испуганно спросил драматург. — Может, вас нанял Гольдони?

Язвительно рассмеявшись, пираты ответили:

— Да, Гольдони не любит кукол, но при этом он честен. Ты ошибся. Нас прислала сама Фата Моргана.

— Фея театральной судьбы? — удивился Гоцци.

— Глупец, — насмешливо продолжали пираты, — театр всего лишь зеркало, а мы явились от настоящей феи — Фата Морганы.

— Но зачем?

— Скоро узнаешь.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Конечно, никто не видел ни чёрного корабля, ни пиратов, иначе остались бы какие-то записи. Нет, Венеция спала. И лишь глупый Арлекин, что любил ночами считать звёзды, заметил и закричал:

— Смотрите!

И тогда самая мудрая кукла старый Мавр сказал:

— Фата Моргана захотела отнять у нас папу Карло.

И теперь куклы даже не стали плакать. Фея похитила их покровителя, их сказочника, их драматурга, и завтра театр будет пуст, а послезавтра они покинут Венецию.

И трогательные куклы ушли, чтобы успеть попрощаться и поцеловать каждый камень родной и прекрасной Венеции.

У ФАТА МОРГАНЫ В ГОСТЯХ

Вот что делали куклы. Ну, а Карло Гоцци, что было с ним?

Чёрный корабль приземлился на родине Феи, в стране красивых ужасов или ужасной красоты.

Три отвратительные жабы с розами на спине вместо бородавок встретили Карло Гоцци.

— Зачем пожаловал, чужестранец, — проквалили жабы.

— Фея Моргана хочет проверить его сердце, — отчеканили пираты.

— Тогда, пожалуйста!

В глубине тёмного зала в тронном кресле, где вместо ручек шевелились змеи, сидела она, Фата Моргана. И стоило Феи вздохнуть, как всё окутывал колдовской туман. И в том тревожном мареве то пропадало, то вновь являлось её красивое, белое лицо.

— Ты писал сказку? — спросила Фея.

— Да...

— А знаешь ли ты, жалкий писака, что мне полжизни понадобилось, чтобы изгнать из мира сказку. И тебе не стыдно меня огорчать?

Фата Моргана коснулась жезлом груди драматурга. И перед тронем затрепетало бедное сердце. Вся дворцовая челядь собралась посмотреть на сердце венецианца. И что же?!

Все думали, он пишет сказку, чтобы прославиться или разбогатеть. А оказалось, что ни одна чёрная мысль не омрачила сердце сказочника.

— О, Боже! Ах! Не может быть! — раздавались повсюду возгласы разочарования.

Они-то думали, что он просто лжёт. А в сердце папы Карло царил вечный полдень. Там на лугах порхали бабочки, а венецианские соборы, сняв купола, бегали за ними как маленькие дети.

— Так я и знала! — сказала Фея. — Он большой ребёнок, очарованный красотой. И запретить ему писать сказки не сможет никто.

И при этом зло пробормотала:

— Дайте этому чудаку погремушку, и пусть улетает.

Фея дунула в сторону Гоцци, и он полетел.

А знаешь, куда приземлился папа Карло? Ну, конечно, на «Мост вздохов».

НА МОСТУ ВЗДОХОВ

На мосту какой-то толстый разодетый человек без конца, поднимая трость, что-то записывал в воздухе. Ну, разумеется, вы узнали его. Только у одного человека в Италии была привычка что-то записывать в воздухе. И тот человек был первый драматург Рима, Болоньи и Венеции, — достопочтенный мэтр Гольдони.

— А, господин кукольник! — приветствовал он Гоцци, — как дела?

— Не знаю, — почему-то ответил папа Карло.

Гольдони доверительно положил руку на плечо сказочника и пробухтел:

— Не обижайтесь, мой друг. Вы, конечно, поэт, сударь. Но зачем вы взялись писать сказки для кукольного театра? Сейчас расчёт и проза заполняют человеческое сердце. И кому нужны сказки?

В ответ папа Карло ничего не сказал и лишь загремел погремушкой.

— Что с вами, — удивился Гольдони. — Вы что, торгуете погремушками?

— Я в жизни ничем не торговал, — ответил Гоцци. — А если вы интересуетесь погремушкой, то я вам скажу: «Она волшебная!»

Тут погремушка зазвенела один раз, другой. И все, кто в ту ночь плакал — большие и маленькие, — затихли. А над Венецией простёрлась добрая ночь.

УЖИН

Конечно, добродушный, но рассудительный Гольдони не поверил ни в какую погремушку. Как многие и сейчас не поверят. И ещё немного постояв, драматург отправился домой.

По дороге он внимательно взглянул на окно папы Карло и окончательно рас-

строился. Там на подоконнике лежало всего три апельсина.

— Вот до чего доводят себя мечтатели, — подумал Гольдони. — Одни апельсины на ужин.

И известный драматург приказал слуге немедленно отнести бедному сказочнику ужин.

АПЕЛЬСИНЫ

Видимо, вам тоже стало жалко папу Карло? Но поплачьте, поплачьте. Сейчас я продолжу. Вы, наверное, уже сами догадались, что апельсины были необычными.

И как только папа Карло пришёл домой и тряхнул погремушкой, они скатились с подоконника, покатались вокруг письменного стола, перепрыгнули через чернильницу, а затем, потребовав три маленьких кресла, изрекли:

— Слушайте сказку о трёх апельсинах.

Макушки апельсин, словно крышечки, вдруг поднялись, и оттуда вылезли три феи. Они забрались на плечи папы Карло и тихим шёпотом стали рассказывать.

А что же Куклы? Кажется, мы совсем о них забыли. Но, нет, взгляните на канал: целая флотилия игрушечных ко-

раблей с флагами и нарядными парусами плывёт по нему. И на каждом золотым конфетти стреляют медные пушечки, осыпая детей, стоящих на берегу. Дети радуются и улыбаются. Что же это? А это кукольная флотилия плывёт к Карло Гоцци за новой сказочной пьесой. И, разумеется, пьеса называлась «Любовь к трём апельсинам».

В КУКОЛЬНОМ ТЕАТРЕ

По всей вероятности, вам трудно представить себя взрослым итальянцем того времени. И всё-таки давайте попробуем понять: почему на представление в театр пришли драчуны и зубоскалы. Просто им очень хотелось осмеять сказочника.

Правда, знаменитый драматург Гольдони решил помочь. И перед спектаклем произнёс целую речь:

— Милостивые господа, с каждым из нас могут случаться промахи. Написать хорошую пьесу весьма сложно. Поэтому заранее прошу простить автору его упущение. Ведь он так добр и так любит кукол.

— Нет! — загалдела публика. — Вначале посмеёмся, а потом уж простим.

И вдруг гром аплодисментов. Так неужели кукольная пьеса имела успех? Невероятный случай! — подумал Гольдони.

А пока Гольдони стоял удивлённый посреди площади, у кукольного театра выстроилась очередь. И конечно, папа Карло прислал известному драматургу билет на свой спектакль. И тот, выйдя на сцену, кричал:

— Большое спасибо, Сеньор Гоцци! Вы вернули нам детство!

ПИСЬМО

Ну, а что же было потом?

Нет, не будем сочинять или придумывать. У меня хранится письмо очевидца, и давайте его прочтём.

«В ту пору я как раз жил в Риме, и когда узнал историю о кукольном театре, то немедленно поспешил в Венецию. Я сам когда-то в молодости был кукольным актёром. Но с той поры кукольный театр поблёк. А здесь такое празднество!

Да, я летал, сердце моё рвалось на части. Я подпрыгивал в почтовом дилижансе и как бы заранее представлял себе кукольный театр, полный народу, потом маскарад на площади. И Виват, Виват, Санта Лючия!

Но вот, наконец, божественная Венеция. Я выпрыгиваю из дилижанса, бегу, обегаю всю Венецию, возвращаюсь назад. И что же — тишина. Так тихо, будто в Венеции кого-то похоронили. Что случилось? Были корь, дифтерия, аппендицит, чума?

И тут мне знакомые, наконец, объяснили:

— Да вот вчера мы и правда хоронили блистательный успех нашего кукольного театра.

— Хоронили успех? А зачем?

— Но понимаете, сеньор, — долго смущаясь, объяснял мне один торговец.

— Театр, куклы, — всё это, конечно, очень весело. И мы веселились целый месяц. Только через месяц мы стали как дети.

— Все без конца улыбались и делали бог знает что. Прыгали как лягушки, трубили как слоны.

— Но это же прекрасно, — закричал я.

— Может быть, — кивнул купец. — Не спорю. Однако почему-то с той поры мы стали считать это нашим главным делом.

— Да это же прекрасно! — закричал я опять.

— Может быть! — вновь кивнул купец. — Да только мы не дети, а купцы, мореплаватели, ремесленники, и нам нельзя забывать про дела.

— И дабы не забыть своих дел, мы решили забыть кукольный театр и сказки.

Купец грустно посмотрел в сторону кукольного театра и, махнув рукой, пошёл прочь. А я стоял один, один на площади, один среди так внезапно повзрослевшего мира.

ГДЕ ТЫ ТЕПЕРЬ ГОЛЬДОНИ?

Наверное, повесть должна была окончиться словами: «Ах, как обрадовался Гольдони! Ведь он всё-таки победил!»

Но всё было не так. Хотя он и был великим драматургом, однако и они где-то те же люди. И когда Гольдони побывал в кукольном театре, он стал таким же ребёнком, как и все. К нему вновь вернулось детство. И он забросил тут же всю свою драматургию. И с той поры сидел на трубе и дул, дул в дудочку. А когда всё закончилось, он увидел, что люди вновь шли в настоящий театр, от этой картины он даже осунулся.

— Зачем, — сказал он? — Мы всегда успеем стать взрослыми. Идёмте же к куклам!

Карло Гольдони призывно взмахнул руками, но за ним никто не пошел. И спустя несколько дней он уехал в Париж. И больше никогда не возвращался. Некоторые теперь говорят, он уехал в Париж за честью и славой. Но в разговоре со старинными куклами они утверждали, что драматург не смог пережить светлых воспоминаний. Того дивного времени, когда всё было так светло и радостно, а потом так тихо и грустно...

Впрочем, с мнением кукол можно согласиться. Именно с тех пор Италия не видела Гольдони, а прожил он ещё более тридцати лет. И никто о нём ничего слышал.

Но ты решил, я сбился. Надо говорить Карло Гоцци — папе Карло, а я о Гольдони. Ну что же, судьба Карло Гоцци — это судьба всего венецианского театра. И она больше, чем жизнь самого папы Карло.

Что же касается самих венецианцев, устыдившись перед всей Европой своей месячной не солидностью, они поскорей постарались забыть своего кукольного сказочника — папу Карло. И скоро уже в самой Венеции не знали: кто этот чудак, что небрежно волочит свой алый плащ через лужи. Кто-то говорил, что это разорившийся граф, кто-то — бывший капитан. И ещё много всякого, всякого говорили о нём. А когда папа Карло умер, на кладбище его провожали одни куклы. Состарившиеся и поблёкшие, они вновь собрались вместе, и каждый подарил сказочнику свой бумажный цветок. Больше у них ничего не осталось. Правда, говорят, прощаясь, Карло Гоцци подарил им какой-то волшебный ключик, но отчего и зачем, этого никто не знал.

Ну, вот и вся история. Прошло много лет, и однажды в лавке какого-то старьевщика случайно обнаружили список каких-то пьес. Кукольный театр к тому времени был забыт, и в мире торжествовал культ денег и расчёта. И потому, когда вновь явились на свет кукольные пьесы Карло Гоцци, будто подуло свежим ветром детства. И усталые от расчётов люди ухватились за них, точно за волшеб-

ную соломинку, и вновь ожили. И уже с этой поры лучшие пьесы Гоцци — папы Карло не сходят со сцен театров.

КЛЮЧ К ВОЛШЕБСТВУ

Ну, а теперь осталось спросить: «А как же золотой ключик?» А разве вы забыли золотую погремушку в виде ключика. Где же она?

Я долго думал и понял — тому золотому ключику, той погремушке показываться ещё рано. Быть может, ты слышал, что сегодня говорят: «Венеция — город-сказка, город удивлённых вздохов день ото дня опускается в море». И вот пройдут столетия, и над прекрасным куполом Святого Марка сомкнётся вода. И вот тогда, я думаю, явится золотой ключик. Он явится так же, как явились сказки Гоцци — папы Карло, чтобы спасти мир от прозы и расчёта. И золотой ключик обязательно придёт спасти Венецию.

Человек, очарованный и влюблённый в её красоту — Карло Гоцци, — знал это. И знал, что красоту придётся спасать.

Я будто сейчас вижу: опускается купол Святого Марка, и в тот же момент поворачивается ключ. И вновь является Венеция. Но не та, сегодняшняя, а старая, древняя, чудная Венеция. И будто не шли годы, и будто то, что случилось, не ужас, а чудо. И воды не разрушили, а будто умыли камни. И город горит и сияет, точно огромная, только что родившаяся жемчужина.

Даниил Санкин

Выдающийся детский иллюстратор и основатель новой книги для детей:

Владимир ЛЕБЕДЕВ

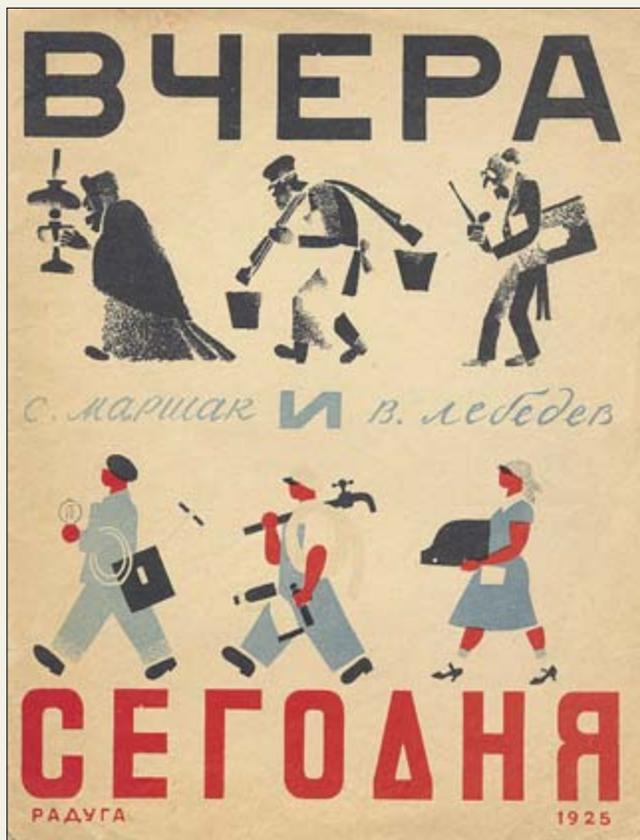
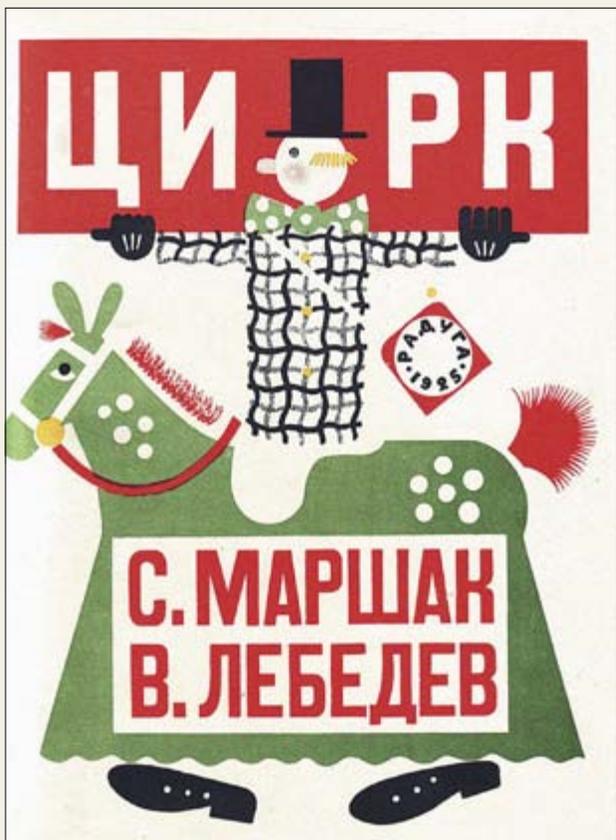
Владимир Васильевич Лебедев (26 мая 1891 — 21 ноября 1967) — выдающийся график, художник и иллюстратор, основатель ленинградской школы книжной графики первой половины XX века.

Владимир Лебедев родился в семье механика. Окончил Петровское коммерческое училище, в 1914 году закончил, обучаясь ранее в других студиях, частную художественную школу М. Д. Берштейна. Несколько лет преподавал в Петроградских художественных мастерских. С 1917 года начал заниматься политической

карикатурой и сотрудничал с журналами «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». В это же время начал работу в книжной графике, ставшей его художественным призванием на протяжении всей жизни. Первые созданные, иллюстрированные им книги вышли в частном издательстве «Радуга», сыгравшем значительную роль в возникновении и становлении новой детской книги в 20-х годах. С издательством «Радуга» в те годы сотрудничали поэты К. И. Чуковский и С. Я. Маршак, художники, близкие кругу общества «Мир искусства»,

Ю. Анненков, М. Добужинский, Б. Кустодиев. Здесь и вышла первая «новая» книга «Слонёнок» Р. Киплинга,

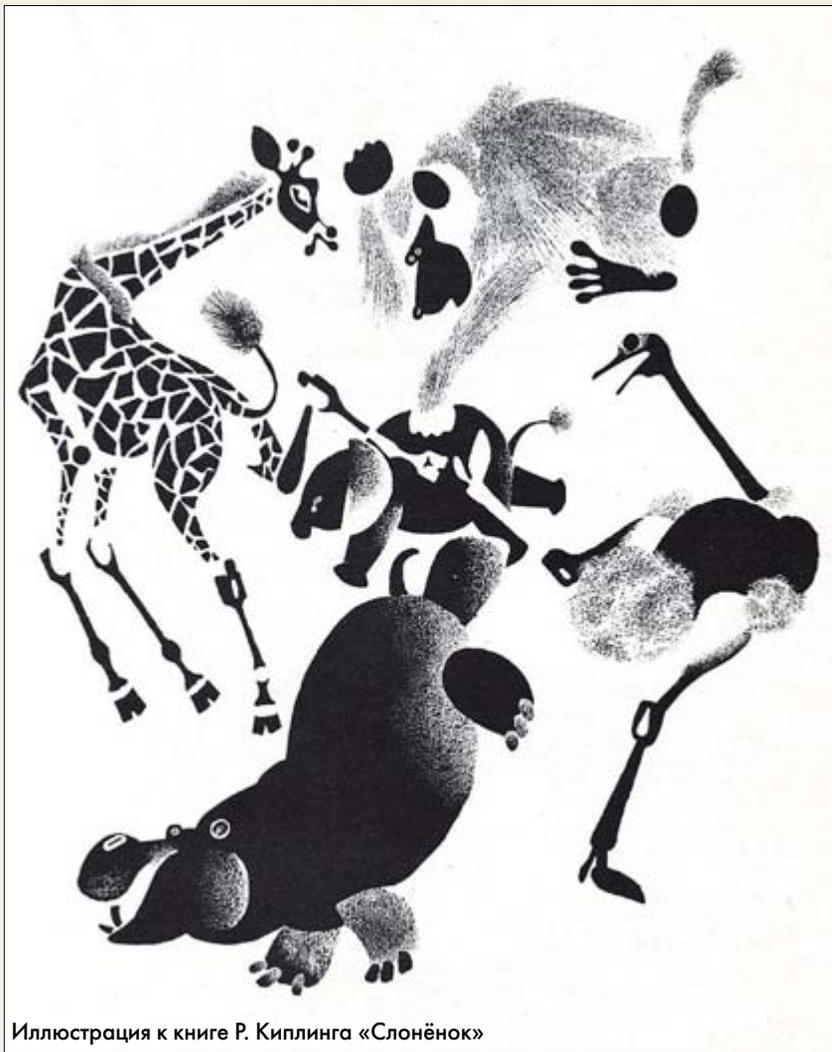
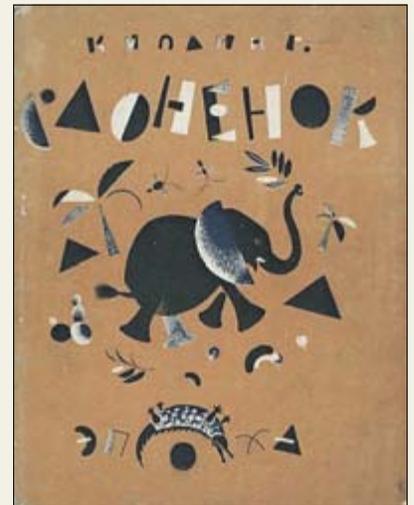

Иллюстрация к книге Р. Киплинга «Слонёнок»

переведённая К. Чуковским и иллюстрированная В. Лебедевым.

Образцом художественной формы новой детской книги критики считают литографированные книги русских футуристов 1910-х годов. Их авторы отказались от типографского набора и применили литографическую технику, об-

щую для иллюстраций и текста. Русская литографированная книга — уникальное явление в книжном искусстве XX века, не имеющее аналогов на Западе. Художники М. Ф. Ларионов, Н. С. Гончарова, О. В. Розанова, П. Н. Филонов опирались в своих литографированных книгах на традицию древне-

русских рукописных книг и на народный лубок.

В 1924 году в Петрограде при издательстве Госиздат был создан Детский отдел, художественную редакцию которого возглавил Владимир Лебедев; его коллегой, возглавлявшим литературный отдел, стал С. Я. Маршак. Вместе они поставили

Иллюстрации к книге С. Маршака «Мы военные»

перед собой задачу создания принципиальной новой детской художественной книги. Как редактор и художник Владимир Лебедев внёс значительный, определяющий вклад в разработку художественной конструкции новой детской книги, в композиционные и изобразительные приёмы и средства её создания, поддержал совершенно новое отношение к самому содержанию детской книги. К концу 20-х гг. он создал собственную школу, где начали свою работу в книжной графике как многие признанные мастера, так и молодые талантливые художники. Среди наиболее известных, популярных и любимых многими книг, иллюстрированных Владимиром Лебедевым, можно назвать издания для детей «Цирк», «Мороженое», «Сказка о глу-

Иллюстрация к книге С. Маршак «Усатый полосатый»

пом мышонке», «Усатый полосатый», «Разноцветная книга», «Двенадцать месяцев», «Багаж». За годы работы в издательстве появилась новая детская книга, имеющая совершенно другую форму и другое назначение. В качестве художественного редактора Владимир Лебедев ставил условие, чтобы книга была единым, цельным и конструктивно решённым организмом. «Сейчас над книгой работают все художники, способные работать в книге, то есть создавать чёткие и убедительные образы», — говорил он.

Владимир Лебедев возглавлял художественную редакцию отдела детской и юношеской литературы Государ-

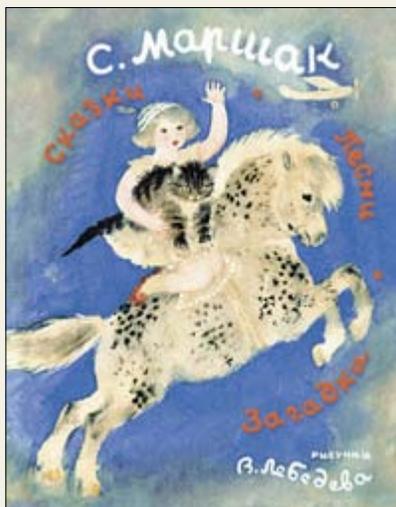
ственного издательства в 1924–1933 годах и превратил его в центр создания высокохудожественных книг для детей. К тому времени, уже высоко профессиональный художник, он создал собственную «лебедевскую школу», привлёк в издательство художников своего поколения — В. М. Конашевича, Н. А. Тырсу, Н. Ф. Лапшина, В. М. Ермолаеву, воспитал талантливых молодых художников А. Ф. Пахомова, Ю. А. Васнецова, Е. И. Чарушина, В. И. Курдова, Э. А. Будогоскова и других. «Все эти мастера, много работавшие не только в графике, но и в станковой живописи, называли свой творческий метод «живописным реализ-

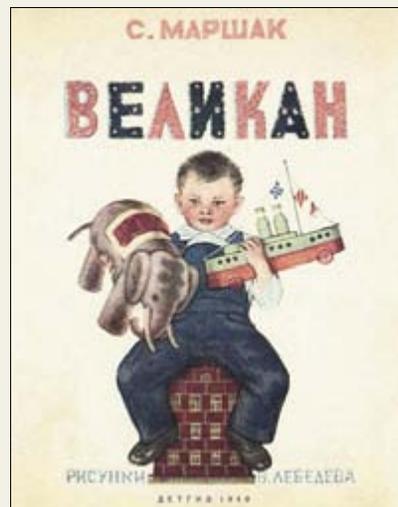
мом», понимая под этим термином искусство обращения к реальной окружающей действительности, именно из неё черпая свои темы и образы... опирающиеся не только на традицию критического реализма XIX века, а широко использующие опыт и достижения всей новой и новейшей художественной культуры, как русской, так и западноевропейской... Можно было бы назвать «графическим реализмом» творческое течение, сформировавшееся тогда в среде мастеров детской иллюстрированной книги, работавших под руководством В. В. Лебедева, Н. А. Тырсы, Н. Ф. Лапшина в художественной редакции детского отделения Госиздата. Эстетика «графического реализма» складывалась не только из системы художественных приёмов, можно охарактеризовать его и как настоящее творческое течение ввиду имеющих согласованных творческих принципов. Оно объединяло многих художников, включённых в процесс развития и становления детской книги в ленинградской графике 1920–1930-х годов.

В сентябре 1933 года на базе детского отдела Госиздата и детского сектора издательства «Молодая гвардия» было создано издательство «Детская литература», первона-

чально называвшееся «Детгиз» («Детского государственного издательства»); его редакторами также стали В. В. Лебедев и С. Я. Маршак.

На протяжении всей жизни Владимир Лебедев работал как художник детской книги. Работая над книгами в издательстве, Лебедев реализовал себя и как живописный мастер высокого уровня, создав ряд выдающихся живописных работ. С конца 1920-х годов и до 1957 года художник создал множество плакатов, натюрмортов, серий на «бытовые» темы, женских портретов: «Прачки» (1920–1925), «НЭП» и «Новый быт» (середина

1920-х гг), «Натюрморт с палитрой» (1919), «Кофейник, ложка, кружка» (1920), «Портрет артистки Н. С. Надеждиной» (1927), «Девушка с кувшином» (1928) и множество других.

Во время Великой Отечественной войны и до 1950 года Владимир Лебедев жил и работал в Москве, сотрудничал с «Окнами ТАСС» и занимался детской иллюстрацией. Его лучшими послевоенными книгами считаются «Откуда стол пришёл?» (1946), «Разноцветная книга» (1947), «Три медведя» Л. Н. Толстого (1948).

Найденный художником лаконичный, графически обобщённый рисунок был перенесен им в детскую книгу, кроме того, он первый среди художников детской книги использовал шрифт как средство выразительности. Книги Лебедева — одна из вершин «Детгиза», высокое выражение ясности художественного мышления, пластической строгости и живописности, приводящих к максимальной образной выразительности. Особой заслугой писателей и художников, работавших под руководством Владимира Лебедева, было создание нового детского литературного и художественного жанра в области книг для детей.

Геннадий Цыферов: жизнь и сказка переплетены

Воспоминания об отце

26 марта детскому писателю-сказочнику Геннадию Михайловичу Цыферову исполнилось бы 85 лет. Мне хотелось рассказать, каким он был папой.

Конечно, для нас наши родители самые лучшие, но мало таких, которые смогли бы стать папой для каждого ребёнка. Всё творчество Геннадия Михайловича доказывает, что он смог. С первой сказки «Кто кого добрее» он берёт ребёнка за руку и ведёт с собой по жизни, объясняя с помощью героев-зверушек, с чем он может столкнуться в детской жизни. Он рассуждает вместе с ним, заставляет думать над ситуацией и вместе находить из неё выход. Так было и в моей жизни.

Как это ни странно, но в детстве папа никогда не читал и не рассказывал мне своих сказок. Наверное, это и не надо было.

Сначала я не понимала его работы: каждый день по много часов он сидел за столом и что-то писал в тонких тетрадках. Потом это стало данностью, и я на это не обращала внимания.

Немного злило, что папа, когда работает, то куда-то улетает, исчезает, его как бы нет. И на вопрос, который ему задаёшь, отвечает спустя час. Но когда он свободен — папа уже полностью твой.

Начинается праздник. Не тот, когда вас одаривают игрушками, хотя и это было, начинается сказка — обыденная сказка. «Почему обыденная?» — спросите вы. Просто

жизнь и сказка были переплетены в единое целое. Например, в раннем возрасте я очень боялась умереть и потому никак не могла заснуть. Однажды папа, увидев в моих глазах сильный испуг, спросил:

— Люсёна, чего ты так боишься?

— Смерти!

— И папа, ни капли не смутившись, начал мне объяснять: — Нет, доченька, ты

никогда не умрёшь. Сначала ты превратишься в цветок, потом в лягушонка и так бесконечно.

Помню, меня это успокоило. Раз папа говорит, что смерти нет, значит, её нет, и не надо бояться.

Ещё пример. Мы с папой читаем книжку Бориса Житкова «Что я видел». Тут же он интересно рассказывает о писателе, рассказывает так, будто он мог быть моим дедушкой (к сожалению, у меня дедушек не было). Затем мы начинаем вспоминать, как мы с ним ездили на дачу и что видели.

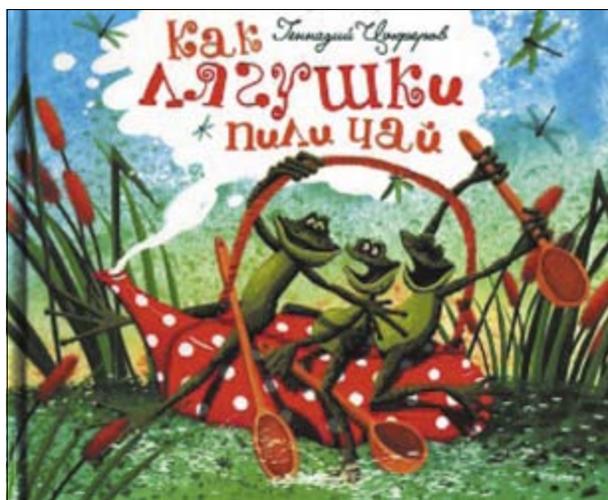
Мне из этой поездки запомнились больше всего два эпизода. Папа наклоняется надо мной, целует меня в макушку и произносит: «Как вкусно пахнет моя Люсёна! Молочком и солнышком».

Я спрашиваю: «Как можно пахнуть солнышком?» Папа отвечает: «Солнышко какое? Золотое! У моей доченьки какие волосы? Золотые. Поэтому ты пахнешь солнышком. А ещё солнышко тебя очень любит. Видишь, сколько поцелуев оно у тебя на лице оставило. Вся в веснушках».

А вечером мы с папой стоим на крыльце и смотрим в небо. Кругом тонкий запах цветущих яблонь. Их не видно, можно только ощущать их аромат и едва уловимую лёгкую белую дымку. Мы оба в восторге. И тут папа, объясняя мне, где находится Большая Медведица и её медвежата, сказал: «Тебе не кажется, что мы с тобой сейчас тоже

Геннадий Цыферов с дочерью

как Большой медведь и медвежонок? Вокруг нас тоже облака и звёзды совсем близко».

Я оглянулась и подумала: это правда. В весенней темноте звёзды совсем близко, стоит только папе протянуть руку. Ну, а облака? Во всё более сгущающейся темноте яблоневый цвет и вправду был похож на настоящие облака. Так обыденная жизнь превращалась в сказку, а может быть, и наоборот.

Годы шли, мы с папой всё больше становились друзьями. И на своём 40-летию он сказал тост: «Я рос и вырос вместе со своей дочерью». Кто-то удивился. А папа объяснил: «Глядя, как растёт моя дочь, я не мог её подвести. С каждым годом я должен был становиться лучше и лучше». Так мы и росли: он становился лучше и лучше, а я тянулась за ним.

Уже я стала и первым слушателем, и первым критиком. Он прислушивался ко мне. Если мне не нравилось что-то, мог несколько раз переписывать и читать. Нет, это не значило, что я была последней инстанцией в приговоре его произведению. Это просто означало, что он мне доверял.

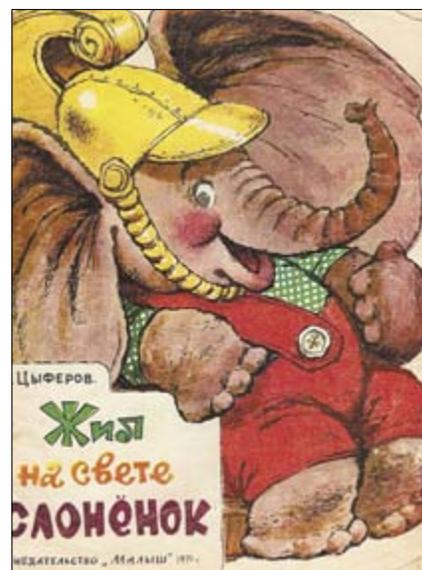
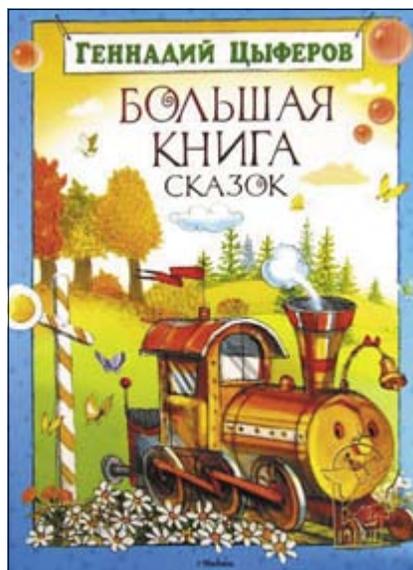
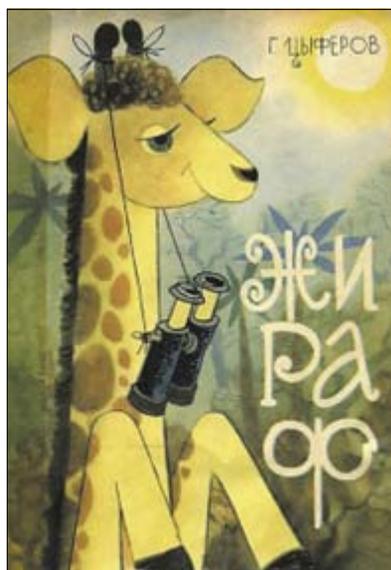
Папу я могу назвать великим воспитателем. Он никогда не ругал, не читал нотаций. Он просто говорил: «Люсён, ты мне сделала больно». Что такое «больно» и «душевная боль», он мне объяснил очень хорошо. Метод действовал безотказно. При этом в целях воспитания он мог и подтрунить надо мной. Конечно, по-доброму. Возвращаясь я из школы взъерошенная, сердитая, разговариваю сквозь зубы.

Папа бежит навстречу, подобострастно снимает с меня пальто, кидается мне в ноги со словами: «Ваше величество! Чем прогневили мы вас? Простите нас, холопов грешных. Не достойны мы вашей милости!» Сначала я ворчу: «Ну, хватит, будто маленький!», а папа всё продолжает свой спектакль. В результате мы смеёмся, и я прошу прощения. Это и было моим воспитанием.

Таких примеров могу привести немало, но это займёт много места. Остановлюсь на одном. Как папа отбил у меня охоту осуждать. Каждый раз он мне повторял: «Прежде чем кого-то осудить, попробуй “влезть в шкуру этого человека”, хотя бы на минуту. А потом суди!» Это не помогало.

И вот мы гуляем, идёт женщина. Папа смотрит на неё и говорит: «Люсён, видишь женщину? Она сейчас на тебя смотрит и думает: какая девочка неаккуратная! И совсем несимпатичная. У неё насморк, у неё рот открыт, как у галки, да и колготки на коленках все сморщены. Фу, какая девочка неприятная!» Этот случай на всю жизнь отбил у меня стремление осуждать людей.

Последнее, о чём хотелось бы сказать. Мой папа был добрым ко всем людям и с трепетом относился к детям. Это нашло отражение в его творчестве: в нём нет ни одной фальшивой ноты.

Сергей Иванов

Пушкинские святыни

Всем грамотным людям известны Пушкинские Горы — городок в Псковской области, рядом с которым находятся музеи-заповедники Михайловское и Тригорское. Раньше посёлок назывался «Святые горы» в честь Святогорского монастыря, на земле которого, на высокой горе, похоронен А. С. Пушкин.

Однако помимо Святых, а теперь Пушкинских, монастырских гор, в окрестностях посёлка расположено немало других гор и горок, тоже древних и загадочных. Это старинные городища. В их число входят Воронич возле Тригорского, Савкина горка близ Михайловского и, может быть, сама Святая гора, на которой стоит монастырь.

Внешне городища похожи на курганы — могилы скифов, русских князей и дружинников. В то же время историки уверены, что в древности на вершинах этих холмов стояли настоящие крепости, защищавшие границы Русской земли. Попробуем разобраться, что же представляют собой эти «горки» на самом деле.

И Воронич, и Савкина горка невелики по размерам. Особенно поражает своей незначительностью Савкина горка. Она стоит в заливной пойме реки Сороть и выглядит как насыпной «куличик» на ров-

ном месте. Возможно, её действительно насыпали средневековые псковичи — вот только зачем, для чего?

На вершину Савкиной горки и Воронича ведут винтовые тропинки-«улитки». Они обходят холмы по спирали. Скорее всего, это сделано не только для сбережения сил на подъёме, но и в оборонных целях: если по винтовой дороге поднимается враг, его успеют расстрелять или побить камнями сверху защитники крепости.

На Ворониче сохранились и другие следы фортификационных устройств. Например, остатки вала или крепостной стены в виде подковы.

Однако трудно представить, что на Ворониче или тем более Савкиной горке помещался настоящий город, полноценная крепость. Даже если учитывать, что в Средние века люди были меньше ростом и уже в плечах, чем нынешние. Сейчас на Савкиной горке помещается только деревянная часовня и кладбищенский каменный крест «рунического» стиля, а на Ворониче — деревенское кладбище-погост с могилами Вульфов и Осиповых — местных дворян. Впрочем, там хватило места и для двух церквей: разрушенной Ильинской и восстановленной Георгиевской. Надо полагать, что церкви стояли на го-

Эти истины знали не только христиане. Слова Пушкина будут понятны большинству народов. Но у христиан естественная любовь к могилам предков подкрепляется ещё и верованием. Поэтому в Средние века кладбища находились под особой защитой. И если жилие дома вряд ли поместились бы на вершине Савкиной горки или Воронича, то могилам там хватало места. Археологи уже обнаружили на Савкиной горке «братское кладбище» начала XVI века. Возможно, именно тогда и появилось это городище.

Деревянные крепостные стены и другие фортификационные сооружения защищали самое важное для наших предков — могилы их отцов. Возможно, ради этого и насыпались неприступные курганы-городища. А военная, оборонительная задача этих крепостей прямо следовала из

любви к отеческим гробам. Древние войны сторожили кладбища-курганы и одновременно охраняли рубежи своего отечества. Ведь отечество — это страна, в которой лежит прах отцов.

Неизвестно, с каких пор стала почитаться сама «Святая Гора» — главная высота Пушкиногорья. Но сейчас она представляет

для нас такую же святыню, как Могила Неизвестного Солдата в Москве, Мамаев курган или кладбище героев обороны Севастополя. Ведь там, на горе, похоронен отец-родоначальник русской художественной литературы, создатель современного русского языка — Александр Сергеевич Пушкин.

Как я таранил фашистский самолёт

Вночь на 7 августа, когда фашистские бомбардировщики пытались прорваться к Москве, я по приказу командования поднялся в воздух на своём истребителе. Зайдя со стороны луны, я стал выискивать самолёты противника и на высоте 4800 метров увидел «Хейнкель-111». Он летел надо мною и направлялся к Москве. Я зашёл ему в хвост и атаковал.

Мне удалось подбить правый мотор бомбардировщика. Враг резко развернулся, изменил курс и со снижением полетел обратно. Я продолжал атаки, повторил их до шести раз. При этом мой «ястребок» оставался недосягаемым для врага: меня прикрывал его же стабилизатор.

Вместе с противником я снизился до высоты примерно в 2500 метров. И тут у меня кончились боеприпасы. Можно было преследовать врага и дальше. Но что толку? Он на одном моторе мог лететь ещё довольно долго и всё равно ушёл бы. Оставалось одно — таранить. «Если и погибну, так один, — подумал я, — а фашистов в бомбардировщике четверо».

Решив винтом обрубить противнику хвост, я стал вплотную подбираться к нему. Вот нас разделяют уже каких-нибудь 9–10 метров. Я вижу бронированное брюхо вражеского самолёта.

Вэто время враг пустил очередь из крупнокалиберного пулемёта. Обожгло правую руку. Я сразу дал газ и уже не винтом, а всей своей машиной протаранил противника. Раздался страшный треск.

Мой «ястребок» перевернулся вверх колёсами. Надо было поскорее выбрасываться с парашютом. Отстегнул ремень, поджал ноги, ползком добрался до отверстия и выбросился. Примерно 800 метров летел затаженным прыжком. И только когда в стороне услышал гул от падения моего «ястребка», я раскрыл парашют.

Взглянув вверх, я увидел, как всё больше воспламеняется вражеский бомбардировщик, как он, наконец, взорвался и рухнул вниз.

Опустился я на небольшое озеро, выбрался на берег. Вскоре подбежали три колхозника, а потом, наверное, и весь колхоз собрался около меня — так много было народу. Тут же перевязали мне руку. Отвели в дом, переодели, дали валенки, чтобы я мог согреться, напоили молоком. На лошади отправили в часть.

Потом я в автомобиле поехал посмотреть на сбитый бомбардировщик. Он ещё горел. Кругом валялось много невоспламенившихся зажигательных бомб.

Метрах в ста от самолёта нашли двух членов его экипажа. Двое других были найдены в лесу. Самолёт рухнул с такой силой, что их выбросило далеко от него.

Командир вражеской машины, по виду уже немолодой, имел железный

крест, полученный в 1939 году, и значок «За Нарвик». У одного из фашистов, по видимому стрелка, навывлет прострелена шея. Все четверо очень плохо одеты.

Я надеюсь, что самолёт, сбитый в ночь на 7 августа, далеко не последний в моём послужном списке. Рука скоро заживёт.

Во время Великой Отечественной войны советский лётчик Виктор Талалихин произвёл более 60 боевых вылетов. Именно ему 7 августа 1941 года удалось совершить первый в истории авиации ночной таран вражеского самолёта. Во время ночного воздушного боя около Москвы на своём «И-16» он произвёл таран немецкого бомбардировщика. За этот подвиг Виктор Талалихин был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Вскоре

Талалихин был назначен командиром эскадрильи, ему было присвоено звание лейтенанта. Лётчик участвовал во многих воздушных боях под Москвой, сбил ещё пять вражеских самолётов. За боевые отличия он был награждён орденами Красного Знамени и орденом Ленина.

27 октября 1941 года Виктор Талалихин погиб в неравной схватке с фашистскими истребителями. Приказом Народного Комиссара Обороны СССР от 30 августа 1948 года Талалихин навечно зачислен в списки первой эскадрильи истребительно-го авиационного полка, в составе которой он сражался с врагом под Москвой. Именем лётчика были названы улицы во многих городах СССР, ряд школ. На 43-м километре Варшавского шоссе, над которым произошёл беспримерный

ночной поединок, поставлен обелиск. В Подольске Талалихину установлен памятник, в Москве — бюст Героя.

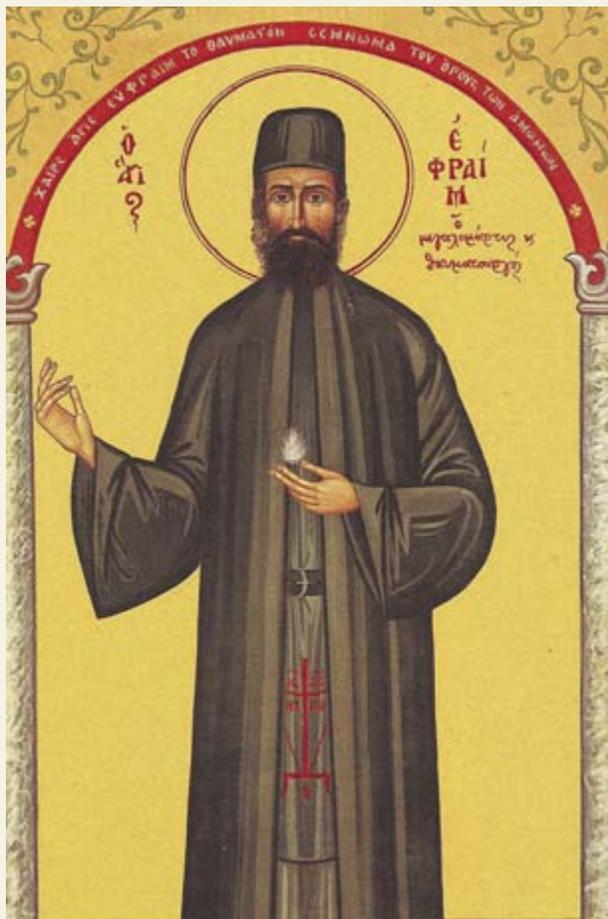
Только позднее стало известно, что у Талалихина был предшественник — в ночь на 29 июля 1941 года лётчик-истребитель 28-го ИАП Пётр Васильевич Еремеев на самолёте «МиГ-3» таранным ударом сбил вражеский бомбардировщик «Юнкерс-88». Он погиб 2 октября 1941 года в воздушном бою. В сентябре 1995 года Еремеев за мужество и воинскую доблесть посмертно удостоен звания Героя России. Первый же в истории ночной таран был произведён русским лётчиком Евгением Степановым, который 28 октября 1937 года в Испании в небе над Барселоной на самолёте «И-15» сбил при помощи таранного удара итальянский бомбардировщик.

Лётчик Виктор Талалихин с участниками киножурнала Любовью Орловой и другими приехавшими на фронт актёрами

СВЯТОЙ ЕФРЕМ НОВЫЙ

В греческом монастыре Благовещения Пресвятой Богородицы, расположенном на Аттике в небольшом селении Неа Макри, покоятся мощи одного Святого. Он родился в Фессалии в 1384 году в городе Трикала. Спустя некоторое время, в 1393 году, Фессалийская равнина была захвачена турками. Новые власти начали призывать греческих мальчиков и юношей в турецкую армию. Эта жестокая участь ожидала и Константина Морфи. В 1398 году ему исполнилось 14 лет. Мальчик не захотел служить захватчикам и положил в душе своей быть преданным вере отцов даже до смерти. Он прощается с братьями, испрашивает материнское благословение и уходит в монастырь.

Монастырь, в который направился отрок, был известен с X века. Он находился на горе Амомон (горе Непорочных).

На склонах этой горы росли оливковые рощи, высились вековые сосны, прохладой и свежестью веяло от источников. Словно драгоценным бисером, была унизана гора скромными монашескими кельями. Сюда стремились люди, уставшие от суеты земных радостей, здесь они находили тишину для молитвы и покой для души. Этой скромной, таинственной жизни всем своим существом предался молодой отшельник. Но время уединённых молитв истекло, и пришёл час испытания веры, в 1424 году вся братия монастыря была зверски убита турками. Уцелел только один монах, отсутствовавший в монастыре. Через год, 14 сентября 1425 года, в праздник Воздвижения Креста Господня, турки возвращаются и с невероятной жестокостью предадут мучениям последнего насельника горы Амомон. Они ждали его отречения, но встретили непоколебимую веру и неукротимую храбрость. Разъярённые мучители повесили монаха вниз головой на шелковице, прибили его тело к дереву огромными гвоздями и воткнули в него зажжённый факел. 5 мая 1426 года обесиленное от страданий тело испустило светлую, боголюбивую душу, сохранившую детскую преданность вере отцов.

Позднее, когда турки ушли, в монастыре около дерева стояла одна белая с чёрными пятнами собака, очень грустная, и слёзы текли из её глаз. В это время на территорию монастыря зашли трое сельчан. Собака начала бегать с лаем от дерева к людям и обратно, показывая, чтобы они подошли к дереву. Подойдя, сельчане обнаружили брошенное растерзанное и разорванное тело Святого. Они вырыли могилу, и, когда они опустили туда тело мученика, собака подбежала к дереву и осторожно подобрала кусок от истерзанного тела, оставшийся там, поднесла его к могиле и положила на тело. Люди засыпали могилу и ушли.

О святом Ефреме Неа Макрийском, который жил в XV веке, ничего не было известно 5 веков, пока в 1945 году монахи-

ня Макария не занялась восстановлением монастыря Благовещения, разрушенного пиратами в XV веке. Она чувствовала, что это место святое и молила Бога, чтобы Он ей открыл, кто жил здесь в прошлые времена.

Как-то утром монахиня Макария работала на монастырском дворе, и вдруг

думаешь, может оказаться правдой?» И действительно, я настолько сильно верила в это, словно видела своими глазами. И так, копая всё глубже и глубже он всё ближе подходил к святой могиле. На глубине около ста семидесяти сантиметров мы увидели главу этого человека Божия. В этот же момент нас окру-

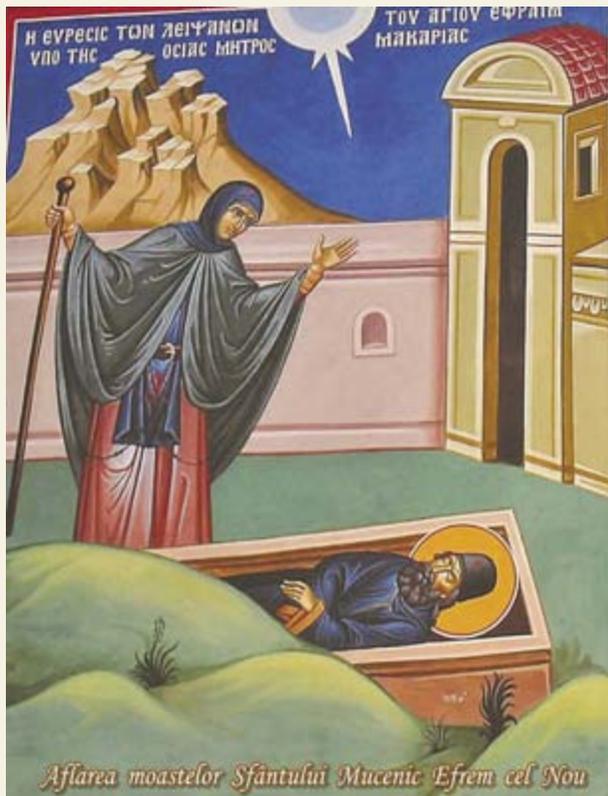
Неомакрийский монастырь святого Ефрема Нового

в голову ей пришла настойчивая мысль: «Копай землю на этом месте и найдёшь то, что ищешь». Прошло ещё немного времени, и снова та же мысль посетила её. Развалины на этом участке, состоящие из трёх проёмов, очага и полуразрушенной стены, указывали, что здесь когда-то была монашеская келья. Как вспоминает монахиня Макария: «Мы очистили этот участок от камней, и рабочий начал копать, но работал он очень нервно и озлобленно, так что я испугалась, чтобы он ничего не испортил, и сказала ему: «Не спеши, работай медленнее». Но он меня не слушал и продолжал работать в том же темпе. «Может, там кто-то похоронен, и ты можешь повредить могилу. Прошу тебя, будь осторожен». И тогда он понял и сказал мне: «Думаешь, что то, о чём ты

жило сильное благоухание. Работник был бледен, он даже не мог говорить. Я попросила его оставить меня одну, и он удалился. Я приложилась к мощам Святого с великим почтением и всем существом почувствовала, что ему пришлось претерпеть страдания. Меня наполняла святая радость, будто я обрела небесное сокровище.

Я почему-то заранее знала, что он монах. Осторожно счистив землю, я увидела хорошо сохранившуюся кайму его рясы, сшитую из грубой плотной ткани. Ткань была чистой, искусно подшитою по-старинному, нитками больше миллиметра толщиной. Земля вокруг его рук и ног была твёрдой, и на ней сохранились отпечатки... Я не знала, что мне надо было делать: плакать или радоваться? Как там оказался божий человек? Что могло

случиться? Что видели глаза его? Внутренне я чувствовала, здесь должна была произойти трагедия. И, стараясь очистить его кости и пальцы от земли, вынуждена была прекратить этот процесс из-за дождя. Вода уже заполнила дно могилы, и я поместила его останки, как они и были, в проёме над могилой. Но

Обретение мощей святого Ефрема

что это был за дождь! Словно небо бросало серебряные листочки, которыми окропляло Святого и его могилу.

Вечером я читала вечерние молитвы, совершенно одна в этом святом месте, куда направил меня Господь служить Ему, и вдруг я услышала шаги, которые начинались от могилы Святого, прошли через двор и остановились у двери церкви. Шаги были чёткие и ритмичные, и я почувствовала, что впервые в жизни испугалась, кровь застыла в жилах, и от страха я боялась даже повернуться, чтобы посмотреть, что происходит. И тут я услышала его голос: «Сколько же ты собираешься держать меня там, снаружи?» Я обернулась и увидела его. Высокий, с маленькими круглыми глазами, с неглубокими морщинками у края глаз. Его чёрная, немного курчавая борода полностью закрывала шею и была уложена вперёд и вбок. Он был в полном монашеском облачении, в левой руке он

держал яркий свет, правой благословлял меня.

При этих его словах мой страх мгновенно исчез, сменившись необыкновенной радостью, будто я встретила с давним хорошим знакомым. Я сказала: «Прости меня, завтра на рассвете я позабочусь о твоих святых мощах». Он растворился в воздухе, а я продолжила чтение молитв...

Утром, после молитв, я с благоговением счистила с мощей землю, обмыла их и, положив их в храм, зажгла рядом негасимую лампаду. В ту же ночь я увидела во сне Святого Божьего человека в церкви, стоявшего слева от святых мощей. В одной руке он держал, обнимая прекрасную икону Святого размером с него. Рядом с иконой был подсвечник, и я зажгла восковую свечу. Потом он произнёс: «Большое тебе спасибо. Меня зовут Ефрем».

В течение следующих нескольких лет св. Ефрем открыл историю своего мученичества Макарии и другим людям, являясь им в видениях и снах. По молитвам святого Ефрема происходит множество исцелений, спасение в автокатастрофах, от смерти, на море, от пожара и много других чудес. Он всегда готов оказать помощь тем, кто с большой верой обращаются к нему. Многие рассказывают, что когда в минуты боли и горя молятся к святому Ефрему, то, не успев ещё закончить свою молитву, видят его перед собой, который нежно спрашивает: «Что с тобой, дитя моё?»

**Святой
преподобномучениче Ефреме,
моли Бога о нас!**

28 декабря 2011 года Синодом Русской Православной Церкви святой преподобномученик Ефрем Новый был внесён в месяцеслов Русской Православной Церкви с установлением празднования 5/18 мая, в день мученической кончины, обретение мощей празднуется 3/16 января.

В Богоявленском храме города Химки Московской области обретаются святыни, подаренные монастырём Благовещения Пресвятой Богородицы в Неа Маркри: икона святого Ефрема, его скуфья и тапочек, частица дерева, на котором его мучили, и земля с места его мучения.

Владимир Волков
Художник О. Евстигнеева

Рассказы-горошины

Ветла

— Всё бегаешь? А бабка и огород поливать должна, и ограду чинить. Столбцы-то, того гляди, завалятся...

Деда к тому времени уже не стало, и мне приходилось выполнять многие работы по хозяйству. Надо сказать, делал это я с готовностью: мне хотелось показать, что в доме есть настоящий мужик...

Я внимательно оглядел завалившуюся на бок огородную ограду. Действительно, один столбик подгнил, и я решил заменить его. Пошёл за огородами, где у нас росли ветлы. Выбрал подходящую, спилил её, обрубил ветки, заострил конец и лихо вогнал топором кол в мягкую огородную землю.

А на следующее лето, когда я приехал в деревню на каникулы и увидел свой столбик, то глазам своим не поверил: вместо него стояло молодое стройное деревце с пушистыми зелёными веточками.

— Вот, милоч, ты, стало быть, мне в огород ветлу посадил. Она теперь всю воду заберёт и солнышко застит. А без света-то один лопух растёт, ну, пожалуй, крапивка ещё...

— Бабушка, а давай я ветки обрублю, пока они маленькие. — И я побежал за топором.

Когда вернулся, бабушка сидела на своей огородной скамеечке. Её руки с надутыми жилами лежали на белом фартуке и оттого казались ещё темнее.

— Постой, — сказала она тихо. — Не трогай её. Ты-то, когда вырастешь, поди, бабку забудешь? А ветла-то всегда при мне будет. Так что буду под ней сидеть и тебя вспоминать...

Живое ведёрко

Три подружки Аня, Маша и Олеся летом жили на соседних дачах. Они часто собирались вместе и играли в игры, которые придумывали сами.

На этот раз, сидя на качелях, они рассказывали разные страшные истории. Аня рассказала про злую-презлую ведьму, Маша — про колдуна, а Олеся — про монстра.

Вдруг кто-то постучал. И не в дверь, а совсем рядом, и звонко так. Девочки испуганно переглянулись.

— Смотрите. — Маша показала на столик, на котором стояло её ведёрко. — Оно шевелится...

Ведёрко действительно шевелилось и стучало.

— Оно, наверное, оживело, — сказала самая маленькая Олеся.

— Да ты что! Такого быть не может, — сказала самая старшая Маша.

— Я пойду посмотрю, — сказала самая смелая Аня.

Когда она подошла к столику, ведёрко замерло, и из него вдруг... выпорхнул воробей. Он сел на ветку вишни и недовольно зачирикал. Аня помешала ему клевать на донышке ведёрка гречневую кашу, которую девочки, играя «в обед», вчера варили в ведёрке.

Черепаша

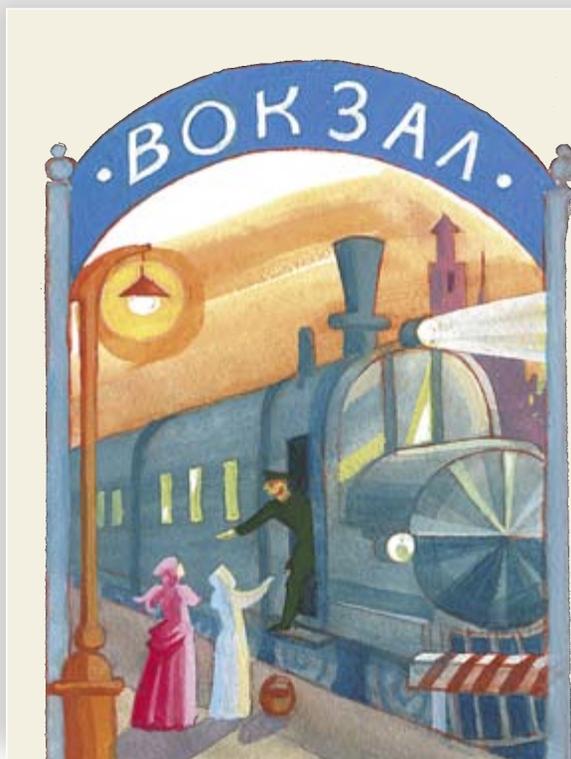
Я со своей шестилетней внучкой часто хожу на наш пруд. Там есть что посмотреть.

Дачники, у которых выросли дети, приносят туда их разные игрушки. Стоит на берегу гномик с палочкой, рядом — аист с длинным носом, в кустах притаился тигрёнок.

— Аня, смотри — появилась новая игрушка! — сказал я, подводя внучку к лежащей у самой воды зелёной черепахе.

И вдруг черепаха... повернула к нам голову и медленно сползла в воду.

Вот тебе и игрушка! Оказывается, в нашем пруду живёт настоящая черепаха, а мы её ни разу не видели.

Художник С. Крестовский

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Вокзал

Слово происходит от названия места «Vauxhall» — небольшого парка и центра развлечений недалеко от Лондона. Русский царь, посетивший это место, полюбил его — в особенности железную дорогу. Впоследствии он поручил британским инженерам построить небольшую железную дорогу от Санкт-Петербурга к своей загородной резиденции. Одну из станций на этом участке железной дороги назвали «Вокзал», и это название впоследствии стало русским словом для обозначения любой железнодорожной станции.

СКАЗКИ
ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК
И БРАТИШЕК

БРАТИК

Маленького Ежонка, у которого появились крохотные иголочки, мама Ежиха решила отпустить погулять на поляну.

— Я не хочу один гулять, — сказал он, — вдвоём веселее, вот бы мне Братика!

— Скоро будет у тебя Братик, — засмеялась мама.

Пошел Ежонок на поляну грустный, идёт, ворчит, сам с собой разговаривает:

— Бабочки вдвоём играют. Птички друг за другом летают, муравьи — и те гурьбой ходят, только я один.

Шёл он, шёл и наткнулся на что-то круглое, словно ёжик клубочком свернулся, только без иголочек, но Ежонок тоже родился без них, они недавно стали расти у него.

— Вот и братик ко мне пришёл! — счастливо воскликнул Ежонок и радостно забегал вокруг него, — мама мне сказала, что ты скоро придёшь.

— Я тебе совсем не Братик. Я — Гриб-дождевик, — недовольно пробубнил он.

— Ты со мной пошутить хочешь? — не поверил Грибу Ежонок.

— Не шучу, — продолжал говорить Гриб, — а играть с тобой хочу, — только сдвинуться не могу, в ямку попал.

— Я тебе помогу выбраться. — Ежонок подтолкнул Гриб, и он покатился по полянке мимо пушистых ёлочек, усыпанных колючими иголками. Ежонок бежал за Грибом весело, вприпрыжку. Долго они играли. Устали, остановились передохнуть.

Глядит Ежонок на Гриб, а он весь в иголках. «Пока мы играли, они у него выросли, — подумал Ежонок, — а ещё говорил, что Гриб! Как хорошо со мной пошутил». — И он радостно закричал:

— Мама, к нам братик прибежал!

Пришла Ежиха, поглядела на Гриб, заросший прилипшими ёлочными иголочками, улыбнулась и сказала:

— Вот и замечательно, теперь у меня два сыночка.

Зачем подковывают лошадей

Всем известно, что домашняя лошадь должна быть обязательно подкована кузнецом. Но настолько ли это необходимо? Ведь в дикой природе скакуны спокойно живут без подков всю жизнь и, кажется, не испытывают из-за этого ни малейшего неудобства.

В давние времена, когда человек приручил лошадь, он столкнулся с проблемой изнашивания её копыт. Ведь одомашненным лошадям приходится жить в неестественных условиях — в конюшне. Поэтому они двигаются меньше, чем дикие лошади, и их копыта становятся мягче. Кроме того, домашние лошади выполняют тяжёлую физическую работу: возят людей, тащат за собой грузы, бегают на время. Они вынуждены постоянно ступать по твёрдому грунту и асфальту. Всё это приводит к износу копыт: они ис-

тираются быстрее, чем отрастают.

Износ копыта может привести к травме. Лошади с травмированным копытом больно ступать на больную ногу, она начинает хромать. Диким лошадям истирание копыт не грозит, потому что они бегают без балласта, по мягкой земле, и сами выбирают наиболее удобный путь, обходя камни и другие препятствия.

Люди довольно давно осознали, что лошадиные копыта нужно защищать от износа. Считается, что первыми стали «обувать» лошадей в Азии: для них делали специальные «башмаки» из лыка, кожи, тростника. Первые металлические подковы были похожи на сандалии. Железные пластины, закрепляемые с помощью гвоздей, появились не ранее II века до нашей эры. Современные подковы в виде пластины, изогнутой по

форме копыта, были изобретены гораздо позже и получили широкое распространение в Средние века.

Подкованной лошади неровный твёрдый грунт не страшен. Зимой, чтобы животное не поскользывалось, используются специальные подковы с шипами. Больно ли лошади, когда её подковывают? Нет, не больно. Ведь копыто состоит из рогового вещества, в нём нет нервных окончаний, так же, как у человека в волосах или ногтях. Однако, если попробовать подковать животное без подготовки, оно взбрыкнётся. Поэтому сначала молодую лошадь приучают давать кузнецу ноги. Потом начинают легонько постукивать по копытам деревянной колотушкой. Затем прикладывают подкову и постукивают по ней. Всё это делается без лишней спешки, чтобы лошадь привыкла и не боялась.

Петушок- Задира

Наталья Гаврикова

ЖИВОЙ
УГОЛОК

Художник Л. Зубарёва

Жил в нашем деревенском дворе петух. За высокий гребень, склоняющийся немного набок, и особенности яркого темперамента прозвали его Задирой. Вскочит петух повыше на крышу сарая, наклонится немного вперёд, захлопает крыльями и изо всех сил проорёт: «Кука-реку». Обопрётся дед на черенок лопаты, посмотрит на него — и только головой покачает: «Ну что ты речешь, пустая твоя головушка, чего надрываешься?»

А петух вскинет голову повыше, сверкнёт гребнем, звякнет шпорами, разведёт крылья в стороны, подобно орлу, и командным голосом заладит ещё пуще прежнего: «Реку-реку-реку». А потом пройдёт по двору, так гордо, будто у него генеральские погоны.

Ох уж и докучал Задира всем ленивым и непослушным!

Как только увидит, что голова и лапы кота Василия с лавочки свисают, молниеносно налетит на него и тукнет клювом в густую шерсть. Кот вскочит, выгнет спину, глаза желтовато-зелёноватые вытаращит, да и убежит восвояси.

Если же щенок Тимка, по глупости своей, начинал пташек гонять и при этом залиvisto лаять, петух слетал с какой-нибудь верхотуры, поленницы или крыши, и стремительным шагом напускался на него, вот-вот выговор учинит. Пёсик останавливался в нерешительности, а потом, распластавшись по земле, пролезал в щель под забором, от греха подальше.

Что же касается куриц, то ни одна из них противоречить петуху даже не смела. Ходили цыпочки по двору как шёлковые, гладкие и послушные. И яички они откладывали одно за другим.

Но особенно побаивалась петуха моя сестрёнка Маша. Стоило ей заплести косу неаккуратно, Задира норовил сесть девочке на спину и клюнуть в затылок.

На самом же деле наш петух не был вредным. Даже, может быть, в глубине своей птичьей души он был очень добрым.

Однажды Задира своими крючковатыми сильными лапами раскопал ямку под рябиной и нашёл золотое зёрнышко. Зёрнышко это было светлым и тёплым, и петуху вдруг захотелось такие же зёрнышки подарить курочкам, собаке, коту и всем остальным.

Он решил закопать золотое зёрнышко в углу полуразрушенного сарая. Вдруг да вырастет на этом месте золотое деревце!

Только петушок в тайне ото всех вошёл в пустой сарай, навстречу ему из тёмного угла солнечный цыплёнок вышел. Сияет весь, словно пёрышки у него золотые, и мешочек полотняный петуху протягивает. Взял петух подарок, хотел поблагодарить, но в этот момент солнечный цыплёнок стал похож на жёлтое пятно от зажжённого карманного фонарика — и через несколько секунд исчез.

Заглянул Задира в мешочек и с петушиным удивлением и радостью увидел, что внутри много золотых зёрнышек.

Всех он порадовал: и курочкам зёрнышки достались, и коту, и щенку, и нам, детворе. Как знать, может быть, и вырастет когда-нибудь у нас во дворе золотое деревце.

Было бы желание совершать добро, а солнечные помощники всегда найдутся.

Здравствуй, дорогая редакция «Детской Роман-газеты»! Пишет вам Неонилла Ефимова. Мне семь лет. Я ученица 1 «Г» класса МБОУ лицея № 40 г. Орла. Увлекаюсь поэзией, в 5 лет написала первые стихи: «Мама любит», «Сказка», коллекционирую афоризмы, люблю рисовать, петь, танцевать, красивые и мудрые книги. С двух лет занимаюсь классическим танцем, увлекаюсь вокалом, люблю театр, балет, народные танцы, эстрадные и народные песни.

Любимая мама

Я маму люблю,
Как первый цветочек —
Весенний листочек!
Издали смотрю,
Румяна, бела.
Как она мила!

Днестр

Я вижу волшебную реку,
А рядом великие сосны!
Она уплывает в слезах...
Одна во Святых небесах.
Прекрасен Днестр в танце лета,
И в солнечном жёлтом приливе.
И в бликах чудесного света,
Где волны влюблённых мирили.
А в небе, лишь звёзды горят,
И лунный прелестнейший взгляд,
Нам светит в ночное оконце,
Как то заплутавшее солнце...

Новый год

Хлопушки звенят, снежинки летят,
Ночь в чудесах, волшебство на часах.

И щёки счастьем восторга искрят,
И феи зимы веселятся в лесах.

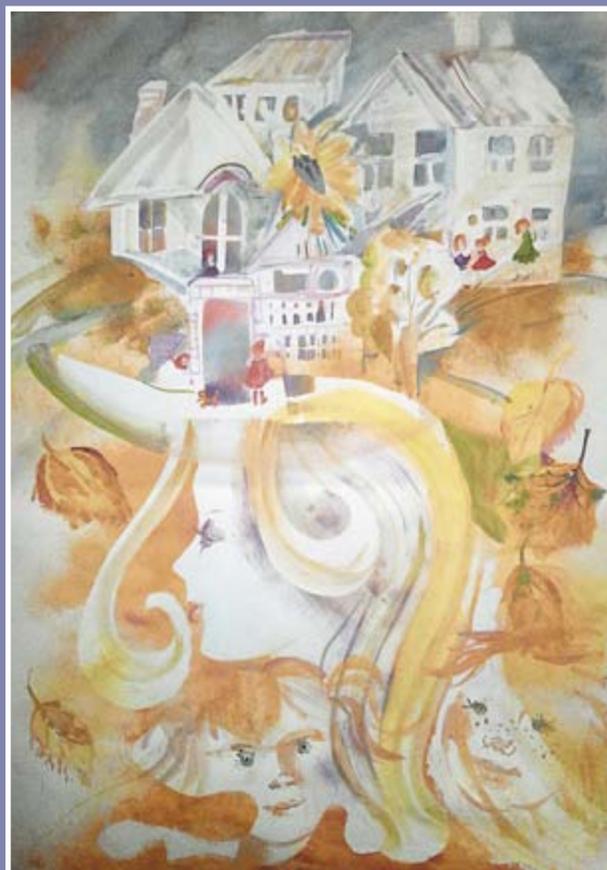
Забытый дневник

Забытый дневник,
Пожелтевшие листья.
В слезах чаровник,
Утеряно счастье.
Где туманное небо,
Там звёзды в огне.
И лунная небыль,
Брошью в окне.

Балерина

Посвящено Фетисовой Н. Е.

Алый закат в новом счастье,
Голубь любви в вышине,
Браслет на красивом запястье,
Балерина в прекраснейшем сне.

Жлудникова Дарья, 12 лет.
Художественная школа гор. Дмитрова

1

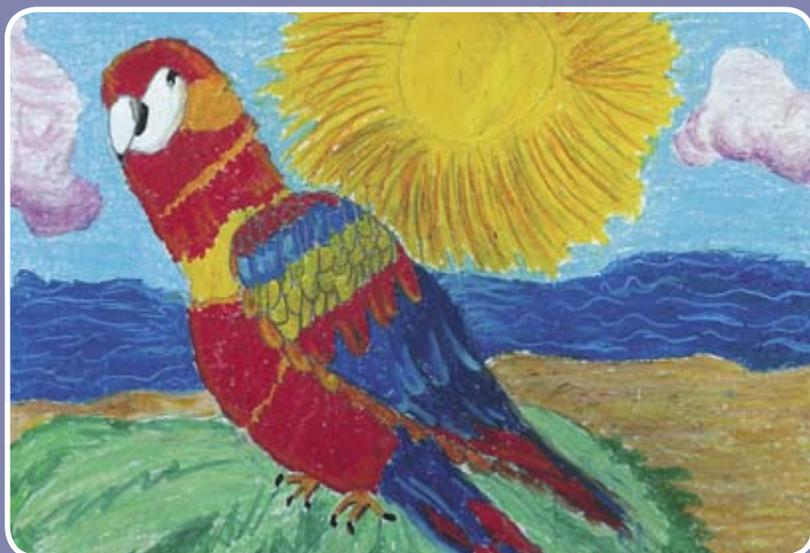
НАШ ВЕРНИСАЖ

Рисунки учащихся изостудии «Вдохновение», лицей № 15, г. Химки, Московской обл. Руководитель А. П. Караченцева

4

1. Васютина Алина, 13 лет
- 2, 3. Трофименко Алина, 8 лет
4. Прокопович Алена, 8 лет
5. Михайличенко Василиса, 5 лет
6. Попова Софья, 11 лет

2

5

3

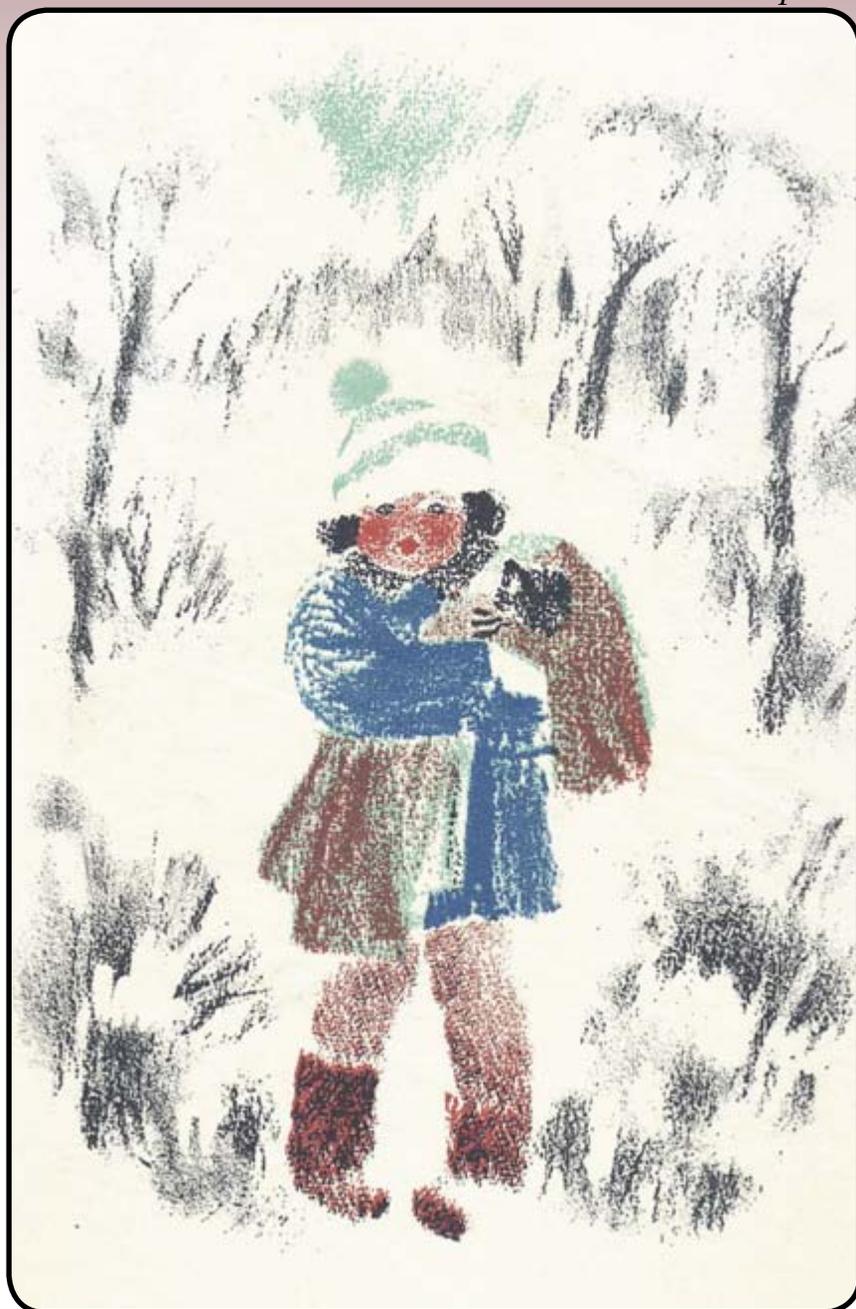
6

РОМАН-ГАЗЕТА **7** етская

2016 (206)

«...В. В. Лебедев никогда не был ни иллюстратором, ни украшателем книг. Наряду с литератором — поэтом или прозаиком — он может с полным правом и основанием считаться их автором: столько своеобразия, тонкой наблюдательности и уверенного мастерства вносит он в каждую книгу...»

С. Маршак

Вл. Лебедев. Иллюстрация к книге С. Маршака. «Усатый полосатый». Детгиз. 1930 г.

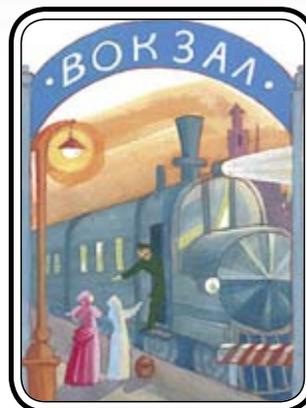

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**

Братик

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА:
Святой Ефрем новый

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ:
Вокзал

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО:
Зачем подковывают лошадей